
Мария
Абдулова
Брат подруги
Назови меня своей
современный любовный роман
18+

Мария Абдулова

Брат подруги. Назови меня своей

https://litres.ru/74755442
SelfPub; 2026

Аннотация

Слепо смотрю на конверт с баснословной суммой денег в нём и чувствую, что не могу сделать вдох.

- Вторую часть в таком же размере получишь, когда избавишься от ребёнка и предоставишь мне доказательства.

Голос матери любимого мужчины звучит так, будто она говорит о чёмто обыденном и совсем не важном. Вот только я всё равно не могу поверить в происходящее. Не могу подавить в себе глупую надежду со слепой верой в человека, которому подарила всю себя. Не могу наивно не спросить:

- Тамерлан Знает, что вы мне предлагаете сейчас?

Женщина, сидящая напротив, холодно усмехается, и мой мир рассыпается на части, когда она отвечает.

- А ты думаешь, по чьей воле я здесь? Слово и желание сына для меня - закон.

Содержание

Глава первая. У прошлого чёрные глаза 4
1.1 4
1.2 10
1.3 16
1.4 21
1.5 26
Глава вторая. Подстава подстав 29
2.1 29
2.2 34
2.3 40
2.4 45
Глава третья. Предательство, которого не было 50
3.1 50
3.2. 55
Глава четвёртая. (Не)лишняя 60
4.1 60
4.2 66
4.3 72
4.4 77
4.5 82
4.6 87
Конец ознакомительного фрагмента. 90

Мария Абдулова
Брат подруги.
Назови меня своей

Глава первая. У прошлого чёрные глаза

1.1

- Как там поживает наша бандитка?

В мамином голосе отчётливо слышится улыбка и я не могу не улыбнуться следом.

- Прекрасно. Влюбила в себя няню, воспитателей в детском саду и даже сурового соседа, который был жутко недоволен тем, что я поставила машину на его место на парковке во дворе. Спасибо доче - одна её улыбка и мне было прощено всё.

Мама прыскает со смеху, заставив и меня начать безудержно хихикать.

- После этого сосед тебе место на парковке вместе со своей квартирой случайно не подарил?

- Готов был, - признаюсь, вспомнив очарованного дочкой соседа - взрослого представительного мужчину в военной форме, чья угрюмость и холодность производили впечатление даже на бабуль-сплетниц, опасающихся его обсуждать на своих ежевечерних сборищах у подъезда. Хватило одной встречи с моей Лале, её улыбки и невинного взмаха угольно-чёрных пушистых ресниц, чтобы сердце сурового вояки растаяло. - Но я благородно отказалась, попросив лишь помочь мне донести пакеты с продуктами до двери.

- Твоё великодушие не знает границ, дочь.

- Ну, так!

- Значит, внучку можно поздравить очередным пополнением её гарема? - родительница восхищённо цокает языком. - Марусь, а ведь Лале всего четыре! Просто представь что дальше нас ждёт! Как армию ухажёров отгонять будем?

Я хмыкаю и, прижав телефон плечом к уху, тянусь к верхней полке за своей любимой арахисовой пастой, а другой опираюсь на ручку тележки, полной всякой полезной и не очень всячиной. Сегодня пятница, завтра - долгожданные, честно заслуженные выходные, которые мы с дочкой обычно встречали вечерними посиделками с разными вкусняшками, играми и мультиками. До них оставалось совсем чуть-чуть - расплатиться за продукты, уговорить Лале по пути домой не заворачивать в ещё один магазин и не сразить наповал какого-нибудь нового бедолагу. На первый взгляд легче лёгкого, а на деле… Шутки шутками, но природное обаяние мо-

его ребёнка, которому не мог противостоять абсолютно никто, уже вызывает опасения и идея заранее обзавестись битой или чем-нибудь посерьёзнее, чтобы отбиваться от её будущих поклонников, не кажется такой дикой. Это ей сейчас, как правильно заметила мама, всего четыре годика и от неё уже все были без ума, а что будет потом, когда она станет старше?

- Ох, мамуль, не знаю. Наймём отряд вооружённой охраны?

- Боюсь, одного не хватит, так что лучше сразу два.

- И завяжем им глаза, да?

- Думаешь, поможет? Может, чтобы наверняка, выколем?

От столь неожиданного предложения я даже, наконец, дотягиваюсь до заветной баночки с лакомством.

- Мама! - ахаю поражённо. - Да ты та ещё штучка!

- Ещё бы! Когда дело касается тебя и внучки, то мне лучше дорогу не переходить! Загрызу! - и моя прекрасная хищница-защитница натуральным образом рычит в трубку, вызвав очередной взрыв смеха. - Никому мало не покажется!

Проходящая мимо женщина средних лет бросает на меня, хохочущую во весь голос, неодобрительный взгляд, но мне так смешно, что не обращаю на чужой укор никакого внимания. Зато замечаю, что моё четырёхлетнее иногда излишне самостоятельное сокровище вновь от меня смылось вместо того, чтобы стоять рядом, как я её и просила. Данная ситуация для нас совершенно не нова, поэтому исчезновению до-

чери не пугаюсь и, развернув тележку, спокойно направляюсь в другой отдел с шоколадками, конфетами и прочими сладостями, зная, что шанс найти её там равен девяноста девяти процентам из ста. Да и персонал этого магазина, который мы посещали почти каждый день, потому что он располагался в соседнем от нашего доме, включая охрану и руководство, в моей маленькой красавице души не чаял и о том, что ей здесь грозит что-то опасное мне не приходит в голову ни на секунду. Здесь Лале под присмотром, даже когда я её не вижу.

- Тогда может не будем никого нанимать, а, мамусь? С таким боевым настроем ты в одиночку и с десятью армиями поклонников справишься.

Вывернув из одного отдела в общий большой проход, ведущий к кассам, я уже почти завернула в соседний, но, зацепившись глазами за ярко-розовый комбинезон у этих самых касс, останавливаюсь и чувствую, как просто напросто таю, глядя на свою самую любимую бандитку на свете. Всё-таки материнская любовь - это что-то за гранью. Каждый раз на протяжении уже четырёх с лишним лет ощущаю в груди это неописуемое никакими словами ощущение и не могу перестать ему поражаться. Разве можно *так* обожать кого-либо? Без оглядки, безусловно, бесконечно и всё сильнее и сильнее? Разве это, вообще, законно?

- Легко, - соглашается мама. - Я и не такое могу! Кстати, Марусь, помнишь я тебе рассказывала о…

Слушая её, я смотрю на то, как дочь уверенно берёт со стоящих рядом с кассой полок шоколадное яйцо и, будто так и надо, протягивает его к возвышающимся над ней трём незнакомым огроменным мужчинам. Двое из них как на подбор - лысые, под два метра ростом, с косой саженью в плечах и одинаковых чёрных костюмах и такого же цвета куртках. Лица третьего за спинами своих спутников видно плохо, но он ещё, кажется, выше и больше их. И похоже именно ему Лале молча и без капли сомнения настаивает на покупке киндера для себя любимой. Словно тех вредностей, что мы с ней накидали в тележку в немеренных количествах до этого, мало.

- …босс, а это… - один из "двое из ларца" озадаченно чешет макушку, смотря на Лале с высоты своего роста. - Чего она…?

- …вы её знаете, босс? - одновременно спрашивает второй.

У обоих в голосах полная растерянность, а на лицах - хорошо знакомое мне выражение, означающее, что гарем дочери стал на два человека больше. И вот как у неё это получается, интересно? С первых минут своей жизни сердца, будто игрушки, коллекционирует! Никого не щадит! Даже те, кто стараются держаться от детей подальше, не могут перед моей крохой устоять. Вон, даже другие люди в очереди, забыв об этой самой очереди и своих покупках, умилённо любуются представшей перед ними картиной.

- Какая же у вас невероятно красивая дочь! - не выдерживает молодая женщина, стоящая второй в очереди, и прижимает руки к груди. - Ну, просто прелесть! Такая хорошенькая, что глаз не отвести! А на вас как похожа!

- Да-а-а, друг, хорошо постарался! Ювелирная работа! - одобрительно протягивает мужчина за ней лет пятидесяти на вид и смотрит то на мою Лале, то на того, третьего мужчину. - Жену свою поди на руках носишь, вот она и расстаралась, твою копию тебе родила. И правильно делаешь! Продолжай в том же духе! Просто так, без любви, такие дети не рождаются.

Я, слегка напрягшись, хочу было окликнуть дочь, чтобы посторонние перестали приписывать ей отцовство первого встречного, но слова застревают в горле, ноги врастают в пол, а телефон едва не выскальзывает из ладони, когда двое из ларца, словно по приказу, отходят в сторону, и мне открывается вид на того, кого они величают боссом.

1.2

Наверное, мне нужно было сразу догадаться, как только услышала слова “похожа” и “копия”. Наверное, нужно было сразу после этого хватать дочь и уносить ноги. Наверное, в принципе, стоило быть более осмотрительной, не отпускать Лале от себя ни на шаг и… Чёрт, что он, вообще, здесь в самом обычном супермаркете, да, уже не на окраине города, как четыре с лишним года назад, но и до сих пор не в центре, забыл?! С каких пор Тамерлан Баграев, как простой смертный, стоит в очереди в продуктовом?! И почему именно сейчас?!

Разжимаю пальцы с ручки тележки и прижимаю ладонь к горлу. Не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть. Просто не могу.

Не получается.

Смотрю на него, присевшего рядом с Лале на корточки, и чувствую как земля из под ног уходит.

- …так что думаешь, дочур? - мама продолжает что-то говорить, но что именно не разбираю. - Я…

- Перезвоню, - хриплю в ответ и, не глядя сбросив вызов, роняю руку вдоль тела.

Да, некрасиво и невежливо, особенно по отношению к матери, но она поймёт. Всегда понимала… Когда я влюбилась, поняла. Когда с разбитым сердцем у неё на груди рыдала, поняла. Когда беременная те деньги приняла, поняла, а он…

А он с последней нашей встречи совсем не изменился. Такой же высоченный, большой, одним своим видом внушающий покорность и желание исполнить любой его приказ. Потому что таким людям, как Тамерлан Баграев, не отказывают. Никогда и ни в чём. Такие, как он, живое олицетворение власти, могущества и силы - физической, моральной, финансовой… Неважно какой. Всей силы. Абсолютно. Тогда, пять лет назад, у меня, двадцатидвухлетней бедной студентки, не было и шанса, чтобы устоять перед ним. Сейчас, спустя всё пережитое из-за него и без него, я это понимаю особенно ясно, параллельно с тем, что он, действительно, "хорошо постарался", так как дочь - будто его отражение. Цвет волос, глаз, черты лица… Только мягче гораздо, плавнее, миловиднее, как и полагается внешности четырёхлетней девочки. Я это и раньше замечала, конечно. И не один раз, не два, даже не три… Постоянно. Ведь иначе, с такой-то генетикой, просто невозможно, но в то же время одно дело сравнивать и находить сходства с образом из памяти, а совсем другое - вот так, когда они застыли друг напротив друга, на расстоянии шага.

Дочка рассматривает его с интересом и свойственной ей хитринкой сквозь лукавый прищур, не забыв при этом растянуть свои губки-бантиком в поистине ангельской улыбке. В пухлой ладошке до сих пор держит киндер и, как показывает практика, если она продолжит в том же духе, то помимо шоколадного яйца собравшиеся вокруг и попавшие под

её обаяние добрые дяди и тёти весь магазин для неё скупят. Тамерлан в это время её тоже изучает. Внимательно. Цепко. Знакомым фирменным сканирующим взглядом, от которого у меня в своё время тело переставало меня же слушаться, а Лале хоть бы хны. Как стояла, так и стоит. Ресничками хлопает, глазки ему строит, улыбается невинно.

Моя радость, моё счастье, моя доченька. Только моя. Самая умная, самая талантливая, самая красивая. Самая-самая! И этот мир, отчасти которым заправляет Баграев, её совершенно не заслуживает.

Будто услышав мои мысли, мужчина осторожно забирает у Лале киндер, протягивает его, не отрывая от неё глаз, своим охранникам и низким густым голосом отдаёт тихий приказ:

- Оплати.

Двое из ларца, очаровано зависшие на Лале, мгновенно оживают и принимаются наперегонки пытаться расплатиться за сладость, при этом едва не сметя весь ассортимент на кассе в придачу. Кассирша, по всей видимости, не желая упускать такую неожиданную удачу, решает предложить им ещё и товары “по акции”, а затем, увидев согласные кивки, принимается торопливо их пробивать и складывать в пакеты на зависить своим коллегам.

- Как тебя зовут? - не обращая внимание не только на творящееся за своей спиной безобразие, но и похоже на весь мир в целом, спрашивает Тамерлан.

Лале заводит руки за спину и, приняв вид скромняшки, потупляет взгляд, при этом продолжая его рассматривать. В любой другой ситуации я бы даже посмеялась и разрешила ей закончить начатое, не потому что не могу позволить себе купить вкусняшки для дочери, а потому что наблюдать за ней в такие моменты - это как смотреть невероятно интересный фильм с захватывающим и непредсказуемым сюжетом, никогда не знаешь что она сделает дальше, но сейчас, когда в нескольких сантиметрах от неё находится Баграев…

На этой спасительной мысли, моё оцепенение, наконец, спадает и я, бросив тележку, натягиваю капюшон шубы по самые глаза и несусь вперёд. Не церемонясь и забыв о вежливости, пробираюсь через толпу, пихая ни в чём не повинных людей. В спину мне летят недовольные цоканья и возмущения, но я не слышу и не вижу никого, кроме двоих - своей дочери и её…

- Мамочка! - радостно восклицает Лале, когда я оказываюсь рядом.

Стараясь держаться к мужчине и его охранникам спиной, подхватываю дочь на руки и, не замечая её веса, практически бегом направляюсь к выходу из магазина.

- Мамочка… - она не на шутку удивлена моим поведением. - Мы куда? А вкусняшки?

- Нам нужно домой, родная, - шепчу ей в комбинезон. - Очень срочно!

- Зачем?

Молчу, толкая плечом тяжёлые двери, и едва не поскальзываюсь на скользкой плитке крыльца, но дочь это, естественно, не устраивает и за одним вопросом, как обычно, следует ещё десять.

- А как же мы будем дома без покупок? А что мы будет есть и пить? Я голодная! И Барсик тоже голодный! И ты! А дядя как? Он меня хотел угостить, видела, мам? Киндером! А ты видела какой он большой? И те дяди с ним тоже… Он красивый, правда? У него глазюки чёрные! Как у меня! И он ещё пахнет вкусно! Не как Макар из группы, не колбасой.

Лале всегда была развитой не по годам, очень общительной, не имеющей проблем с социализацией и я никогда не испытывала из-за этого неудобств, только гордость и радость, но не зря говорят, что всё бывает впервые.

- Лале, счастье моё, - голос по-прежнему будто не мой, но я всеми силами стараюсь добавить ему твёрдости. - Никогда не отходи от меня, когда мы в общественном месте! Никогда не разговаривай с незнакомыми людьми! Никогда не проси купить у них что-либо и не бери в качестве подарка! Мы же с тобой об этом уже разговаривали, родная, помнишь?

К ночи ощутимо похолодало. Мороз щиплет щёки, собственное дыхание оседает на ресницах инеем, снег сверкает в свете фонарей, окна в домах горят тёплым уютным светом, а я всё бегу. Капюшон спал с головы с первым же порывом ветра и не почувствовать затылком чужой жгучий взгляд, к сожалению, не представляется возможным, но меня успо-

каивает то, что бежать недалеко. Просто завернуть за угол, нырнуть в арку, затем в первый же подъезд и на шестой этаж, в своё гнёздышко, где можно закрыться на целых три замка и… И… Забыть? Стереть из памяти, будто и не повстречала никого? Заказать продукты в службе доставке и как ни в чём не бывало продолжить вечер так, как планировала ещё каких-то пятнадцать минут назад? Хотя, кого я пытаюсь обмануть? Заказать продукты, да, не проблема, но вот всё остальное…

1.3

Прикусив нижнюю губу, залетаю в подъезд, как никогда раньше радуюсь находящемуся на первом этаже лифту и уже в квартире, раздевая дочь под громкое мурлыканье котёнка, повторяю скороговоркой на бис уже не раз произнесённые и мной, и мамой, правила безопасности. Лале, видимо всё ещё находясь под впечатлением моих непривычных действий, хлопает своими большими обсидиановыми глазами и на все мои “хорошо?”, “поняла?”, “договорились?” согласно кивает, а потом, когда я окончательно выдыхаюсь и снимаю с неё последнюю тёплую вещь - кофту с милыми медвежьими ушками на капюшоне, интересуется:

- Мамуль, а тот дядя мой киндер себе оставил, да?

- Вряд ли. Он не любит сладкое, - отвечаю на автомате и через секунду понимаю, что именно только что сказала.

Чтобы не ударить себя сокрушённо по лбу, принимаюсь раздеваться сама и мысленно молюсь, чтобы мой самый умный и сообразительный ребёнок пропустил эту информацию мимо ушей, но дочь не была бы собой если бы так сделала. Она поражённо округляет глаза и прижимает руки к груди жестом, явно подсмотренным у моей мамы, когда та чему-то очень сильно удивлялась.

- Правда? Мамочка, у него что, зубы болят, да? Поэтому он сладкое не любит? Бе-е-едненький…

У меня вырывается нервный смешок. Как-как, но “бедненьким” Баграева за всю его жизнь точно ещё никто ни разу не называл.

- А давай вернёмся к нему и отведём к дяде Мите? Он ему все-все зубки вылечит и совсем не больно!

- Солнышко, дядя Митя - детский стоматолог, он не лечит взрослых. К тому же этот… - запинаюсь и в попытке это скрыть в первую очередь для самой себя отворачиваюсь к шкафу, чтобы убрать шубу и дочкину верхнюю одежду. - Этот дядя… Он сам о себе сможет позаботиться, уверяю тебя, а мы ему - посторонние люди и… - вздыхаю и, натянув улыбку, наигранно бодро меняю тему. - И нам уже пора устраивать наш девичник! Давай быстренько вымоем ручки, закажем продукты и займёмся делом. Кстати, ты ещё Барсика не гладила, как мы вернулись, а он по тебе соскучился за весь день, ты только посмотри какие у него глазки грустные…

Мы с Лале синхронно поворачиваемся к шотландскому вислоухому котёнку красивого серебристого окраса, подаренного дочке тем самым дядей Митей - маминым давним знакомым и прекрасным детским стоматологом по совместительству за то, что моя принцесса в процессе лечения не разнесла ему весь кабинет. Барсик же ни сном-ни духом о том, что соскучился по своей маленькой хозяйке, продолжает мурлыкать, как трактор, сонно щурит свои зелёные абсолютно негрустные круглые глаза и всем своим видом пока-

зывает, что терпеливо ждёт пока мы соизволим пройти на кухню, чтобы покормить его полосатое величество.

- Ба-а-арсик, родненький мой, - протягивает дочь и, спрыгнув с пуфика, на котором я её раздевала, в два шага оказывается рядом с питомцем, плюхается на пол и аккуратно того обнимает. - Прости меня, я больше так не буду!

- Мя-я-я-у!

Кот с толикой паники выпучивает на меня глаза, как бы говоря, мол за что ты меня так, мать, подставила, но вырываться не пытается и терпеливо позволяет Лале его потискать. Я же взглядом обещаю в следующий раз дать двойную порцию его любимого корма, если он меня выручит, и не ругать за то, что наверняка снова дрых на моих вещах в шкафу.

- Как у тебя прошёл день? Чем занимался? Спал, да? А меня во сне видел? А мамочку?

Барсик, играя роль полосатого партизана, отвечать ей не торопится, что моё сокровище, в принципе, нисколечко не расстраивает и она болтает за двоих:

- А я тоже в садике спала, но тебя во сне не видела. Зато в магазине во-о-о-от такого дядю видела, представляешь? - Лале взмахивает рукой вверх. - Он такой большой! Хотел мне киндер подарить и спрашивал как меня зовут, но мама сказала, что нам очень срочно нужно домой и мы убежали без киндера. Жалко… - вздыхает точь-в-точь как я пару минут назад. - Киндер вкусный же и с Леди Баг внутри. И к дяде Мите его нельзя отвести, потому что он взрослый… Вот

ты, Барсик, ещё маленький, тебя можно к дяде Мите, а тот дяденька…

- Лале, радость моя, может, лучше расскажешь Барсику стих, который выучила в детском саду? - пытаюсь снова сменить тему, ибо слушать из её уст о Тамерлане с каждой секундой становится всё тяжелее и тяжелее. - Помнишь начало? Белый снег, пушистый…

- Белый снег, пушистый в воздухе кружится и на землю тихо…* (*И.З. Суриков “Зима”) - с готовностью бодро декламирует дочка, продолжая держать своего невольного четырёхлапого слушателя в объятиях.

Я же, взяв способ на заметку, после окончания этого стиха напоминаю ей о другом, потом о песенке из любимого мультфильма, затем фокус внимания переносится на приложение с доставкой еды, где мы вместе выбираем все продукты заново, а после ждём курьера на кухне, считая окна, украшенные гирляндами, в соседнем доме. Благодаря этому Лале постепенно забывает и о киндере, и о дяде, который ей хотел его купить, и в целом о своих впечатлениях от встречи с ним в отличие от меня.

За что ни берусь, что ни делаю, о чём только ни думаю и всё равно рано или поздно ловлю себя на том, что мысленно нахожусь не дома, не с дочкой, а там, в супермаркете, на расстоянии нескольких метров от Баграева. И это на самом деле плохой знак. Очень плохой! Мыслями о нём словно сама к себе неизбежное притягиваю. К каждому шороху в подъ-

езде, как ненормальная, прислушиваюсь и подпрыгиваю на месте, когда телефон, лежащий на кухонном столе, оживает звонком. Подходить к нему страшно до взмокших ладоней и такая реакция, действительно, ненормальна, особенно для женщины, ещё несколько лет назад решившей, что ей на Тамерлана Баграева абсолютно всё равно, но, даже понимая это, поделать с собой ничего не могу, стою столбом в десяти шагах от звонящего смартфона и гипнотизирую его взглядом, заклиная, чтобы замолчал.

1.4

- Мамуль, это бабушка звонит, - оповещает звонко Лале, оказавшись рядом со столом и на цыпочках заглянув в экран. - Можно я отвечу?

Мой выдох облегчения, наверное, слышен и в соседнем городе тоже.

- Конечно, родная, - киваю и подхожу ближе, наблюдая за тем, как дочь принимает видеозвонок, расплывается в радостной улыбке и в первые же секунды вываливает на маму кучу разной, отчасти несвязной друг с другом информации.

Родительница даже и слова сказать не успевает в знак приветствия, только покорно слушает о том, чем сегодня кормили в детском садике на полдник, какая у внучки на этой неделе любимая рука и что такое пасодобль. Понятия не имею откуда она услышала про последнее, от кого и, самое главное, для чего, но за это время успеваю слегка успокоить испуганно бьющееся сердце и ещё пару раз выдохнуть.

- …о, бабуль, я побежала, - заканчивает ребёнок через пять минут, едва услышав знакомую мелодию по телевизору в соседней комнате. - Новая серия начинается!

- Люблю тебя, золотце! - мама шлёт ей воздушный поцелуй.

- А я тебя больше люблю, - хихикает довольно Лале и, сделав вид, что поймала поцелуйчик, прячет его в нагрудный

кармашек своей пижамы. - Пока-пока!

Через секунду я остаюсь на кухне одна и, смотря на мамино красивое со следами усталости после рабочего дежурства лицо, чувствую, как мне становится капельку легче. Её голубые, один-в-один как мои, глаза пробегаются по лицу и мгновенно выхватывают главное.

- Маруся, ты чего такая бледная, будто призрака увидела? - она обеспокоенно хмурится и подносит телефон ближе, всматриваясь в меня внимательнее. - Случилось что-то? Ты так быстро вызов сбросила, а потом так и не перезвонила…

- Прости, мам, я просто… - нервно тру ладонями лицо и, прежде чем признаться, оглядываюсь, чтобы убедиться, что кое-кто очень шустрый и любопытный меня не подслушивает. - Если честно, то, да, можно сказать, призрака увидела.

Мама хмурится ещё сильнее, но не торопит и даёт время, чтобы собраться с мыслями. Как всегда, самая мудрая, самая умная, самая понимающая и в принципе самая-самая лучшая во всём. Не знаю что бы без неё делала, как бы справилась одна, без её поддержки и веры в меня. Пропала бы, наверное, или, что вероятнее, сломалась тогда, четыре года назад, под давлением Баграевых и точно бы не сидела сейчас, опасаясь, что дочь может ненароком меня услышать. Просто потому что Лале бы не было.

- Мы… Встретили… - произношу сбивчиво шёпотом. - Его, мам, встретили.

Она, успев лечь в постель, так как из-за разницы во време-

ни у неё была уже глубокая ночь, после этих слов резко подрывается на кровати. На красивом лице тревога и очень хорошо мне знакомая готовность действовать. Что бы ни случилось, как бы страшно, тяжело и больно не было, мама никогда не опускала руки и сейчас, ещё даже не зная подробностей, но едва услышав "его" и прекрасно поняв о ком речь, не намерена этого делать.

- Как это случилось? Он… - понижает голос. - Сам вас нашёл?

- Нет, случайно столкнулись. В магазине за углом, представляешь? Я с тобой разговаривала, Лале, как обычно, пошла очаровывать других покупателей и из всех возможных людей почему-то своей жертвой выбрала именно его. Заставила себе киндер купить.

- Н-да, только наша принцесса могла сорвать такой джекпот одним махом.

Я в очередной раз за вечер вздыхаю и, забравшись на стул с ногами, кладу подбородок на колени.

- А дальше что было, дочур?

- Я едва сердечный приступ на месте не словила, но потом пришла в себя, Лале подмышку и бежать.

- Он тебя узнал?

- Честно, не знаю, мамуль. Я спрятала лицо, но помогло ли это… Лале-то он хорошо видел.

Да и я за эти годы не сказать что внешне сильно изменилась. Конечно, уже давно не та угловатая студентка в джин-

сах и кроссовках, разрывающаяся между учёбой, подработкой и своей первой любовью, как ни крути, всё же беременность с родами внесли свои коррективы в фигуру, взросление в черты лица и характер, а успешная карьера в уверенность в себе и стиль, но не настолько, чтобы превратить меня в совершенно другого человека. Хотя возможно я снова обманываюсь… Не насчёт себя, а насчёт Тамерлана. Я ведь не имела для человека его уровня достаточного значения и важности. И меня это спустя столько времени не задевало, наоборот, не столкнись с ним дочь лицом к лицу, то даже бы обрадовало, но…

- Сказал что-то?

- Спросил Лале как её зовут, но она не успела ответить, я её забрала.

Мама тоже вздыхает и задумчиво потирает переносицу. Моя идея вернуться в этот город ей не нравилась никогда именно из-за возможности столкнуться с кем-нибудь из Баграевых. Я же до этого дня считала, что шанс подобной случайной встречи равен одному проценту из тысячи, слишком мы разного полёта птицы, а специально её искать не была намерена даже под страхом смерти.

- И что думаешь, Марусь? Готовиться нам к войне или пронесёт?

- Хотелось бы, конечно, второй вариант. До перевода в Москву мне осталось не так долго. Доработать бы спокойно без войн и прочих сюрпризов и переехать, да только… - ка-

чаю головой. - Не знаю. Страшно загадывать.

- Ты только не накручивай себя раньше времени, дочур, ладно? Что бы не произошло, мы со всем справимся! Никого и ничего не бойся. Если что, то сразу звони мне и не забывай, какая ты у меня замечательная. Обещаешь?

- Обещаю, - не могу не улыбнуться. - Спасибо, мамуль.

- Люблю тебя, Маруся, - мама мягко улыбается в ответ, но тревога пополам с тоской всё ещё сверкает в голубых чистых глазах. - И Лале. Больше всех на свете.

- А мы тебя ещё сильнее.

- Поцелуйте друг друга от меня.

- Обязательно.

Попрощавшись с самой прекрасной женщиной на свете, возвращаюсь к своему не менее прекрасному во всех отношениях ребёнку и провожу вечер так, как планировала, не позволяя прошлому и панике его испортить.

1.5

Это отлично отвлекает от нехороших мыслей и успокаивает расшатанные нервы, а ночью, когда Лале уже видит третий сон, понимаю, что меня окончательно попустило и собственная реакция кажется излишней.

Ну, подумаешь, столкнулась с ним спустя четыре с лишним года. Ну, подумаешь, дочь увидел. Это ведь абсолютно ничего не меняет. Ему тогда было плевать и сейчас наверняка также. Что-что, а Тамерлан Баграев себе никогда не изменял и, что бы не случалось, всегда оставался константой сдержанности и хладнокровия в постоянно бушующих вокруг него страстях. Не понять, увидев так близко Лале, что к чему, он точно не мог, но в то же время вряд ли мне стоит из-за этого так остро реагировать и бить в колокола. Разве не он со всей своей семьёй ясно дал понять как именно ко мне и “последствиям”, сейчас сладко сопящей в обнимку с Барсиком, нашей связи относится? Разве не из-за этого столько слёз пролила? Не из-за него гордость по осколкам собирала в этой самой квартире?

- Эх, если бы… - бормочу себе под нос и, устав крутиться в постели, поднимаюсь на ноги.

Подхожу к окну, выходящему во внутренний двор, и открываю его шире, запуская свежий воздух в комнату.

Вокруг тишина, покой и темнота. Машины, стоящие на

парковке, мирно мигают датчиками сигнализации и только одна заведена, рассеивает ночь голубым светом фар. Такси, наверное. Или, может, кто-то из соседей так поздно приехал домой или хочет уехать по делам.

Наблюдаю за ней, столько, сколько сама стою у окна, но она так и не сдвигается с места. Не уезжает, двигатель не заглушается, в неё никто не садится, никто не выходит, ни музыки, ни разговоров из салона не слышно, как это часто бывает, когда молодёжь кружит на своих тачках во дворе. Только сонная тишина двора обычного спального района, я, переволновавшаяся за вечер, и эта машина. И чем дольше я на неё смотрю, тем меньше моего только обретённого спокойствия становится. Паранойя из-за прошлого вновь поднимает голову, потому что ощущение такое, словно из салона авто кто-то меня буквально пожирает взглядом. От этого странного чувства хочется передёрнуться даже больше, чем от холодного январского морозного воздуха, что гуляет по голым плечам, забирается под лёгкую ткань ночной сорочки и щекочет босые ступни.

Зябко переступаю с ноги на ногу, слегка меняя позу, ловлю свой обеспокоенный взгляд в отражении оконного стекла и… И, закрыв створку, решительно отхожу от него назад, к кухонному столу, понимая, что сама себя же завожу и покоя не даю. Как сумасшедшая, ей-Богу. В каждой тени подвох ищу, глупая. Зачем, спрашивается? Для чего? Оно мне надо? Ни капли! А вот сон и здравый рассудок ещё как нужны!

- Так, всё, спать! Немедленно! - командую сама себе под нос, возвращаясь в кровать. - Такси это и точка. Их вон сколько развелось, в конце концов… На любой вкус и цвет. Это абсолютно точно такси.

Раньше, те самые четыре года назад, чтобы вызвать в наш район такси, нужно было, как минимум, принести жертву языческим богам и, как максимум, продать душу дьяволу, а сейчас стоит только открыть приложение, набрать адрес и через три минуты карета уже подана. Всё-таки в технологическом прогрессе и глобальной урбанизации были какие-никакие плюсы. Впрочем, как и в остальных прелестях жизни в двадцать первом веке, а если конкретно, то в кофемашине, которая каждое утро возвращает меня к жизни получше борьбы с Барсиком за целостность своих же ног, зарядки и душа вместе взятых.

Утром, к первому глотку кофе я почти окончательно себя убеждаю в том, что переживать мне не о чем. Почти верю в это. Почти умудряюсь заставить образ мужчины, разбившего мне однажды сердце, исчезнуть из мыслей также легко, как до вчерашней с ним встречи, но ровно в десять утра, как по будильнику, без предупреждения, раздаётся дверной звонок. Громко так. Оглушительно даже. Настойчиво.

И, замерев под эту трель на середине кухни, я, несмотря на все свои недавние старания по убеждению самой себя в обратном, уже знаю кого увижу на пороге, когда открою дверь. А варианта не открывать у меня нет.

Глава вторая. Подстава подстав

2.1

Пять лет назад

Познакомившись с Аланой на встрече первокурсников перед началом учебного года, я и не думала во что это выльется впоследствии. Просто увидев робко стоящую в обособлении ото всех высокую красивую брюнетку с растерянными глазами, с которой почему-то никто не торопился знакомиться и общаться, не смогла пройти мимо, в отличие от держащихся на расстоянии от неё одногруппников.

Я сама на тот момент чувствовала себя, мягко говоря, не в своей тарелке. Из родного посёлка, где прожила с рождения вместе с мамой и бабушкой до ухода из жизни последней, мы с мамулей переехали в областной центр - большой промышленный город, всего месяц назад за лучшей жизнью и перспективами, не зная ни сам город, ни его жителей. Сокурсники же были знакомы друг с другом кто со школы, кто с подготовительных курсов, кто через общих знакомых и друзей, и пусть открытой враждебности ко мне не проявляли, но и в свой круг пускать не торопились. Для них я - провинциалка, каким-то чудом нашедшая деньги на первый семестр обучения на одном из самых дорогих факультетов, не

предусматривающего бюджетных мест, с фамилией, как у какого-нибудь персонажа из Ералаша, и двумя парами джинс на все случаи жизни. Через месяц совместной учёбы такими стереотипами уже никто не мыслил и все друг с другом дружили, но в первые дни было непросто. И мне, и Алане. И не спеться на этой почве мы не могли. Причину, по которой её обходили стороной, я узнала позже. Как оказалось, моя скромная и робкая новообретённая подружка была из семьи Баграевых, в чьей власти находился, можно сказать, весь город. Их знала чуть ли не каждая собака. Их боялись и в то же время, на удивление, уважали. Как эти понятия могли существовать в одной плоскости я не понимала и всё, что мне нашёптывали об Алане и её семье одногруппники, считала преувеличенными сплетнями, пока не убедилась в их правдивости воочию, сдружившись с ней так крепко, что сама не заметила как мы стали не разлей вода и, благодаря этому, в один прекрасный момент оказавшись в кругу её родни.

Вот тогда-то я, наконец, и осознала, почему к Баграевым все относились с таким раболепным пиететом. Вот тогда-то я впервые в жизни по-настоящему потеряла дар речи. Вот тогда-то я и перестала принадлежать самой себе, встретившись с тяжёлым, властным взглядом обсидиановых глаз. Говорят же "увидеть Париж и умереть", верно? Я что-то подобное в ту минуту и испытала. Правда, столица Франции была абсолютно не причём, а вот самый старший брат моей Аланки и по совместительству глава семьи и бизнеса Багра-

евых ещё как причём. Настолько причём, что моя романтичная натура, давно жаждущая в кого-нибудь без оглядки влюбиться, обзавестись порхающей живностью в животе и променять крепкий и здоровый сон на мысли о том самом, не думала и не секунды прежде чем в него втрескаться.

И чем больше я узнавала о Баграевых и самом Тамерлане, тем сильнее пропадала. Меня не волновали ни одиннадцатилетняя разница в возрасте, ни космическое неравенство в статусе, ни различия в религии, воспитании и культуре. Слухи со сплетнями, бегущие вперёд него и твердящие о том, что с Тамерланом Зауровичем Баграевым - человеком жёстким, властным и опасным, лучше не связываться, мною также были опрометчиво проигнорированы. Я не видела в нём недостатков. Я знала, что на нём держится вся семья и бизнес-империя, из-за чего его характер и жизненные взгляды язык не поворачивался назвать простыми. Я просто была и даже есть сейчас, спустя три с лишним года с первой встречи, в него по уши. Конечно же, тайно. Конечно же, без малейшего шанса на взаимность. И, конечно же, бесповоротно. Благо, скрывать свои чувства у меня получается мастерски, даже Аланка и та не в курсе того, что я сохну по её брату уже столько времени. Ну, по крайней мере, мне кажется, что никому о моём увлечении Тамерланом неизвестно. На шею я ему не вешаюсь, почтительно при встрече выкаю и в целом стараюсь лишний раз не попадаться на глаза, предпочитая любить и восхищаться им со стороны. Так легче. Так у ме-

ня есть хотя бы крошечная возможность быть в его жизни, пусть и всего лишь в качестве подружки сестры. Ведь лучше быть ею, чем абсолютно никем для него, правда?

И я была уверена в этом вплоть до сегодняшнего дня, который начался абсолютно стандартно и обыденно. Подъём, завтрак, разговор с вернувшейся с дежурства и спящей на ходу мамой, метро, университет, затем снова метро и пробежка от станции до итальянского ресторана, в котором я зарабатывала деньги на оплату своей учёбы, трудясь официанткой, вместо обеда.

Залетев в него через чёрный вход, на ходу стягиваю с себя шапку с курткой, а в подсобке буквально выпрыгиваю из своей одежды в официансткую униформу, ибо начало смены через пять минут и если задержусь хотя бы на две минутки, то администратор без особых сожалений впаяет мне штраф, чего, естественно, допускать не хочется. Впрочем, как и обижать Аланку, обожающую трещать по телефону несколько часов кряду о разных пустяках и позвонившую мне за этим именно сейчас, тогда, когда я, примерив на себя роль Юлия Цезаря, пытаюсь сделать несколько дел одновременно - убрать в пучок волосы, застегнуть рубашку и натянуть чёрные капроновые колготки, при этом их не порвав.

- Душа моя, у тебя что-то срочное? - спрашиваю, тяжело дыша после вынужденного марш-броска по гололёду, и чертыхаюсь, больно ударившись локтём о шкаф.

Подсобка, она же раздевалка и комната отдыха для пер-

сонала, просто микроскопических размеров и даже мне, не отличающейся пышными формами, скорее наоборот костлявостью и угловатостью, в ней сложно развернуться. Постоянно обо что-нибудь да бьюсь, из-за чего синяки на теле не сходят. И ладно сейчас зима, за слоями одежды их не видно, а летом, в жару, как мне быть, интересно? Кто увидит, решит же, что это дело рук парня или мужа, и попробуй потом объясни, что ни того, ни другого у меня нет.

- Слушай, я сейчас тут такое узна… - начинает подруга, но, услышав мои проклятия, обрывает себя на полуслове и интересуется: - Ты чего там, Марусь?

- Наношу себе телесные лёгкой тяжести.

- Э-э-э… Зачем?

- Чтобы потом было легче опознать, потому что если я снова опоздаю, то администратор смены просто разорвёт меня на части.

- Ой, ты на работе, да? Я опять забыла, прости.

2.2

“Опять” в случае с Аланой переводится как “постоянно”, но я так к этому привыкла, что даже не обращаю внимания. Будучи единственной девочкой да ещё и самой младшей в крайне богатой семьи Баграевых, подруга никогда не чувствовала недостатка в деньгах, не утруждала себя их заработком и в целом проблем, ни финансовых, ни жилищных, ни каких-либо ещё, не знала, что не могло не отразиться на её характере и восприятии жизни в целом. Мама и старшие братья, которых у неё насчитывается целых пять, с самого детства ограждают её от всего, воспитывая в настоящих тепличных условиях, что опять же по-особенному влияет на Аланкино миропонимание. Одни считают её сущим ребёнком, другие, наверняка от зависти, раздражённо называют инфантильной глупышкой, я же к её оторванности от суровой реальности отношусь спокойно. Не вырасти комнатным цветочком, учитывая гиперопеку родни и семейный уклад, у неё не было ни единого шанса. К тому же ничего плохого некая незрелость подруги ещё никому не сделала, а вот её доброта, душа на распашку и чистый взгляд без намёка на цинизм наоборот, как мне кажется, делают этот мир лучше. Хотя, не скрою, иногда у меня возникает такое чувство, будто мы с ней из разных вселенных и говорим на незнакомых друг другу языках, что порой доставляет небольшие слож-

ности в понимании, но даже это не влияет на нашу дружбу. Пока не влияет и я очень надеюсь не будет влиять и дальше, так как Алану я обожаю всем сердцем, потому сейчас и привычно отмахиваюсь:

- Да брось, пустяки. К тому же я сегодня не в свою смену вышла, поэтому не мудрено, что ты забыла.

Понимаю, что сейчас Баграева пытается старательно вспомнить причину, по которой я сегодня на работе и о которой наверняка ей говорила, и облегчаю ей задачу:

- Меня коллега попросила её подменить сегодня.

- А-а-а, точно-точно, - тут же соглашается она. - Но всё равно я обещаю впредь запоминать твой график и больше не звонить, когда ты на работе.

Беззлобно смеюсь, слыша это обещание за полгода уже раз, наверное, десятый, не меньше. Что-что, а привычка подруги витать в облаках остаётся неизменной.

- Алан, солнце моё, лучше запомни, что завтра к первой паре и постарайся не проспать, иначе не видать тебе зачёта автоматом как собственных прекрасных ушек.

Баграева жалостливо вздыхает. Так и вижу как она куксится и с тоской смотрит на свой ноутбук, на котором днями и ночами смотрит сериальчики, из-за чего и систематически опаздывает на занятия. Преподавателей это, естественно, не устраивает, но её фамилия чудесным образом нивелирует все недовольства, позволяя Аланке немного больше, чем другим студентам.

- Ла-а-адно, постараюсь.

- Отлично, если после смены позвоню и пойму, что ты, как обычно, залипла в турецкие страсти, то получишь у меня, так и знай.

- Зануда ты, Ласточкина, но я всё равно тебя люблю.

- Взаимно. До вечера. Целую.

Наконец, закончив со сборами, мчусь на всех порах в зал. Удивительно, но в служебном коридоре пусто, никто не снуёт туда-сюда, не сбивает друг друга с ног и не посылает к чёртовой бабушке зажравшихся в прямом и переносном смысле гостей ресторана. Да и в целом как-то очень тихо вокруг. Обычно ресторан гудел, шумел и голосил, а сегодня как будто вымерли все, даже с кухни матов поваров и тех не слышно.

Перед самым моим носом дверь из зала вдруг открывается и я набегаю на отчего-то бледного, как моя кристально белая рубашка, управляющего. Вредного мужика лет на пятнадцать с лишним меня старше, причитающегося владельцу ресторана родственником и оттого упивающегося своей властью так, будто он здесь хозяин-барин, а мы - его безвольные холопы, обязанные выполнять любую прихоть. Пара девчонок, с которыми вместе работали, на него мне даже жаловались! Пристаёт, говорят, намёки всякие похабные делает, смотрит сально. Ксю, которая и попросила её сегодня заменить, как раз из их числа. Меня такое “счастье”, слава всем богам, миновало. Видимо девчонка, больше напоминающая по телосложению подростка-скейтера, не в его вкусе и это

один из тех редких моментов, когда я готова благодарить матушку-природу за свои не самые сексуальные и женственные внешние данные.

- О, Ласточкина, опять опоздала?

Блекло-карие глаза с заметным косоглазием пробегаются по мне сверху вниз и обратно, из-за чего я резво отпрыгиваю назад и невольно сутулюсь.

- Я…

- Подожди, сегодня же не твоя смена, - мужчина хмурится и, отчего-то запаниковав, оглядывается на подсобку позади меня. - Где Ксения? Она сегодня должна была выйти!

- У Ксюши возникли непредвиденные обстоятельства. Она попросила меня её подменить.

Управляющий снова окидывает меня взглядом. На этот раз каким-то странно и неприятно оценивающим, отчего хочется прикрыться, хотя моя белая рубашка застёгнута на все пуговицы, нигде ничего не просвечивает, юбка длиной до колена не обтягивает, а наоборот болтается, так как в последнее время из-за бешеного темпа жизни я снова скинула в весе. Выгляжу как ученица воскресной школы, для полноты картины только платка на голове не хватает, но под его вниманием всё равно чувствую себя так, словно стою перед ним в чём мать родила.

- Ла-а-адно, с Ксенией я потом разберусь сам, - нехорошо протягивает он после осматривания меня. - А ты… - прикидывает что-то про себя и недовольно качает головой. - А ты

сейчас вместе со мной выходишь в зал! Ксения ввела тебя в курс дела? Передала инструкции?

Понятия не имею о каких инструкциях идёт речь, так как Ксю сегодня утром просто записала мне голосовое, в котором слезливо просила меня её выручить, без каких-либо особых указаний. Может, он имеет в виду наши обычные обязанности? Что, в конце концов, вообще, могло измениться в официантском деле с моей вчерашней смены? Сомневаюсь, что многое, поэтому с небольшой заминкой киваю на его вопрос. Если что, то просто переспрошу, не привыкать уже выглядеть недалекой дурочкой в его глазах да и деньги за этот выход точно лишними не будут. У мамы скоро день рождения, подарок нужно купить, цветы, дом украсить…

- Точно? Учти, если что, то шкуру сдеру наживую! - он нервным движением поправляет галстук, будто тот его душит. - Напоминаю, у нашего Вячеслава Геннадьевича там встреча. Очень важная встреча с очень важными людьми! Ты должна обслужить их по высшему разряду, поняла? С улыбочкой, уши не греешь, глаза не таращишь, что прикажут и прикажу я, то и делаешь.

Ну, в принципе, ничего нового. Принеси-подай-уйди-не мешай. Прекрасно, мне не привыкать.

- Будешь умницей и сделаешь так, как надо, вознагражу в двойном размере, не пожалеешь.

Не дожидаясь моего ответа, управляющий, одарив меня ещё одним мерзеньким взглядом, цепко хватает за локоть

и вытаскивает в пустой зал. Абсолютно пустой. Ни тебе сотрудников офисного здания через дорогу, традиционно посещающих наше заведение на бизнес-ланч, ни воркующих парочек, заглядывающих к нам после романтичных прогулок на набережной неподалёку, ни праздно коротающих время с подружками за салатом и матча-латте в ожидании пока их масики освободятся с работы девчонок в коротких шубках, одинаковыми пластическими операциями и ногами от ушей.

От удивления я даже приоткрываю рот и принимаюсь оглядываться в надежде найти хотя бы кого-то из коллег, но в итоге натыкаюсь лишь на пустоту. Никого нет! И это поражает меня ещё сильнее. Конечно, уже бывало, что ресторан закрывали на спецобслуживание, только это происходило всегда по выходным и в честь какого-нибудь мероприятия, а нас об этом предупреждали заранее и заранее же формировали рабочие смены в зависимости от масштабов отмечаемого в заведении события. Иногда нас вызывали немного, максимум, человек пять, иногда случалось такое, что выходили абсолютно все, но ещё ни разу не было такого, чтобы работал кто-то в одиночестве! Да и Ксюха опять же ни о чем подобном не говорила… Неужели это и есть те «инструкции», о которых я якобы в курсе? Странно это всё как-то… Очень странно!

2.3

И в пору бы хорошенько из-за этого напрячься, задуматься, а ещё лучше бежать пока не поздно, потому что очевидно, что ничего хорошего в происходящем меня скорее всего не ждёт, да только глаза выхватывают единственный занятый столик в самой середине зала ресторана. Его окружают несколько внушительных габаритов мужчин в чёрных костюмах, которые почему-то кажутся знакомыми, а за столом сидят всего двое. Лицом ко мне владелец сия заведения - Голубев Вячеслав Геннадьевич, человек ещё более неприятный, чем продолжающий тащить меня управляющий. Лично я с ним сталкивалась всего пару раз, но этого с лихвой хватило, чтобы успеть понять, что больше каким-либо образом взаимодействовать я с ним не хочу. Слишком он какой-то… Сам себе на уме, вот. Вроде бы спокойный, не самодур, не отпетый какой-то отморозок и в то же время ничего хорошего от него не чувствуется. И глаза у него как у рыбы - серые, холодные, равнодушные, из-за чего вкупе со всем остальным охотно верится периодическим шепоткам поваров о его криминальном прошлом и не совсем легальном настоящем. Напротив него тоже мужчина, одного лишь взгляда на спину которого мне хватает для узнавания в нём причины процветания целой цивилизации бабочек в моём животе и наличия плейлиста о неразделённой любви в смартфоне.

Ой, мамочки… Он! Тамерлан. Баграев. Здесь!

Сглатываю, чувствуя, как внутри всё скручивается в пружину от волнения, и невольно торможу, что вызывает у управляющего недовольство и он сильнее сжимает ладонь на моём плече, дёргая за собой. Боль отрезвляет мгновенно. Я шиплю и пытаюсь вырвать руку, но хватка у начальства железная и так просто от неё избавиться не получается. Поморщившись, по инерции семеню торопливо следом и едва не врезаюсь в Мурата - главу охраны старшего брата подруги и человека, который находится с ним 24/7.

- П-п-простите, - лепечу едва слышно, встречаясь с ним взглядом.

Тот вопросительно смотрит на меня с высота своего роста за два с лишним метра, слегка приподняв правую бровь. И вроде бы внешне выглядит гораздо угрожающе, чем Голубев. Огроменный лысый шкаф с каменным лицом, который играюче и совершенно не напрягаясь одной левой может отправить к праотцам. По сравнению с ним Вячеслав Геннадьевич букашка. Но, как известно, внешность обманчива и будь у меня выбор, то я бы с большим удовольствием осталась рядом с Муратом, а ещё лучше, конечно, с его боссом, да только такие мечты даже для моей романтичной натуры - чересчур.

- Прошу извинить за задержку, - управляющий, оказавшись у столика, едва ли не челом бьёт и говорит таким приторно-заискивающим тоном, что противно становится. - По-

вторюсь, готовы исполнить любой ваш приказ и желание. Мария вас с удовольствием обслужит.

От того насколько двусмысленно звучат его слова становится противней вдвойне, но сосредоточиться на этом толком не успеваю, потому что он снова, словно я собачонка на поводке, дёргает меня на себя. Едва сдержав стон от боли, впечатываюсь в него и тут же в который раз за последние пять минут отпрыгиваю в сторону да только кто бы меня ещё отпустил. Этот… нехороший человек, словно решив, что без его тисков я сбегу или улечу, как воздушный шарик, продолжая подхалимски улыбаться, толкает меня вперёд и силой разворачивает лицом к столику. Плечо из-за чужих вцепившихся в него пальцев уже онемело, но это очень быстро перестаёт быть проблемой, потому что сидящие за столом мужчины одновременно поднимают глаза на меня и я замираю, уставившись в лишь одни. Те самые, хорошо мне знакомые и частенько снящиеся уже на протяжении трёх лет. Красивые настолько, что дух захватывает. Беспроглядные. Глубокие и оттого очень-очень опасные, так как утонуть-потеряться-раствориться в них не составляет для меня никакого труда.

Старший брат подруги смотрит на меня нечитаемо-бесстрастно и в то же время так пронзительно, что невольно прошибает дрожь. Банально, но, да, будто насквозь видит и знает, давно знает то, о чём я уже столько времени молчу. Он также смотрел на меня в нашу первую встречу, на девятна-

дцатом дне рождении Аланы, в процессе празднования которого она познакомила меня со своей семьёй. Я тогда, можно сказать, попала в просак, вырядившись в яркое лимонного цвета платье и накрасившись как на гламурную фотосессию, почему-то совершенно не взяв во внимание следование Баграевых своим традициям и в итоге выглядев как канарейка в кругу них самих и их родственников, друзей и знакомых, одетых дорого и с шиком, но очень сдержанно и преимущественно в тёмные цвета. Так глупо, как тогда, не чувствовала себя ещё никогда. Глупо, не к месту и с чётким осознанием того, что не могу перестать думать о *нём*. Что он подумал, когда меня такую всю разодетую увидел. Запомнил ли. Не счёл ли нелепой и некрасивой. Понравилась или…

Неосознанно задерживаю дыхание, когда Тамерлан, не сводя с меня взгляда своих нереальных чёрных глаз, расслабленно откидывается на спинку стула. Мужественный, брутальный, статный. В чёрной рубашке и такого же цвета дорогом костюме, эффектно подчёркивающим смуглый тон кожи. На левом запястье часы стоимостью во весь этот ресторан. На скуластом лице спокойствие и невозмутимость. В каждом движении уверенность, сила, мощь, хотя шкафом, как Мурата, его назвать, несмотря на внушительный рост, ширину плеч и очертания мышц под одеждой, язык не поворачивается. Глава охраны напоминает своей комплекцией медведя-гризли на задних лапах, Баграев же пантеру. Быструю, очень умную и свирепую. Алана любит с гордостью по-

вторять, что в него влюблены едва ли не все дочери, сёстры и даже жёны друзей и знакомых её семьи, и я подруге охотно верю, потому что сама вхожу в их число. Потому что не попасть под влияние этой восточной, жгучей, хищной красоты невозможно. Потому что его стальной характер, манера держаться и внутренняя энергия завоёвывают и подчиняют себе без какого-либо усилия.

- Эй, девочка, как там тебя… - будто сквозь толщу воды слышу голос владельца ресторана и моего биг-босса по совместительству. - Ты чего язык проглотила? Заказ прими.

2.4

Я, с трудом сглотнув, моргаю и пытаюсь вспомнить о своих обязанностях, но в голове пусто. И так происходит постоянно, когда вижу Баграева на расстоянии вытянутой руки. Может, стоит провериться? Только к какому врачу идти? К терапевту или сразу к психиатру, который, послушав меня, наверняка решит, что я тронулась умом, раз влюбилась именно в этого мужчину.

- Ну! Что застыла столбом?! - зло шипит на ухо управляющий и стискивает пальцы так, что удержаться и не поморщиться на глазах у всех не могу. Больно, блин! - Живее давай!

Взгляд Тамерлана медленно спускается ниже, чертит по румянцу на скулам, шее, воротничку рубашки и останавливается на чужой руке на моём плече. Тёмные густые брови едва заметно хмурятся и этого неожиданно хватает, чтобы меня, наконец, отпустили.

Боже, наконец-то!

Сразу же и вновь неосознанно, в поисках защиты, отступаю ближе к нему и накрываю пострадавшее плечо ладонью. Оглядываюсь на управляющего, что в свою очередь, словно испугавшись, бледнеет ещё сильнее и отступает ближе к Голубеву. От обиды за несправедливое к себе отношение так и тянет запустить в него чем-нибудь тяжёлым, но под рукой

только папки с меню и блокнот для записи заказа. Вспомнив о последнем, вспоминаю и о своих обязанностях, после чего поспешно вытягиваю блокнот из кармана вместе с ручкой и, стараясь быть профессионалом, оттарабаниваю стандартную фразу подрагивающим от волнения голосом.

Всё это время Баграев продолжает на меня смотреть, сбивая дыхание и заставляя путаться в словах, а потом, дослушав до конца, пускает по коже мурашки звучанием своего густого низкого голоса.

- Выбери для меня что-нибудь сама.

Зависаю на пару секунд и, когда смысл сказанного, наконец, доходит, чуть не выпаливаю в ответ: “Выбираю себя!”.

- А ты, Тамерлан Заурович, рисковый, - хмыкает Голубев, отзеркалив его позу, но выглядя при этом гораздо менее эффектно и больше смешно. - Доверяешь свой обед какой-то официантке.

- Не какой-то, - отвечает Баграев и у меня натуральным образом пол уходит из-под ног, а голова идёт кругом из-за всего трёх слов.

Нет, я точно ненормальная, раз так на него реагирую. Это ведь что-то за гранью! Ещё и у него на глазах!

- Ты знаешь кто она такая? - продолжает спокойно, будто о погоде говорит, а не обо мне, стоящей рядом и слышащей каждое слово.

- А должен?

В голосе владельца слышится нешуточное удивление. Та-

мерлан же напротив звучит безапелляционно.

- Обязан.

- Хм-м-м, честно говоря, без понятия, но ты, Тамерлан Заурович, меня заинтриговал. Как раз расскажешь мне за обедом, кого же я нанял в официантки, - чувствую, как бигбосс следом за управляющим облизывает меня заинтересованным взглядом и делаю ещё один шажочек ближе к брату подруги. - Мне тоже на свой вкус что-нибудь принеси, птичка.

Если только яда за такие взгляды и это пренебрежительно-хозяйское "птичка".

- Нап-питки под-дать се-сейчас или…? - спрашиваю, обращаясь только к Тамерлану.

Тот отвечает коротким отрицательным покачиванием головы и, понимая, что больше от меня тут пока ничего не требуется, на негнущихся на ногах отхожу от столика. Внутри всё трясётся. Хочется и поблагодарить Ксюху за внезапную возможность встретиться с Баграевым, и в то же время всыпать по первое число за такую подставу. Куда она меня, блин, втянула? Что за приколы в духе "Крёстного отца"?

Пока блюда готовятся, делаю дыхательную практику. Вдох-выдох, вдох-выдох… Всё будет хорошо. Всё будет хорошо. Может, мне просто показалось и на самом деле это просто встреча двух бизнесменов? Ну, подумаешь, у Голубева не очень хорошая репутация, про Тамерлана ведь тоже много чего говорят и… Что у них, вообще, может быть

общего? Первый, конечно, не бедствует, но до состояния и влияния Баграевых ему далеко. Или это просто я чего-то не знаю и не понимаю? И какая роль в этом во всём отводилась Ксюшке, а теперь мне? Инструкции какие-то загадочные, двусмысленность во фразах управляющего, намёки… Мы ведь просто официантки в самом обычном ресторане итальянской кухни, большинство поваров которого были выходцами из стран ближнего зарубежья, что Италию и в глаза не видели.

- Марусь, забирай! - окликает меня один из них, кивая на стол выдачи, заставленный тарелками.

Пробежавшись по ним глазами, машинально сравниваю с заказом и удостоверившись, что всё верно, сгружаю их на поднос и на по-прежнему негнущихся ногах плетусь в зал. Первое, что замечаю, оказавшись там - это то, что Мурат, склонившись над Тамерланом, что-то ему тихо говорит. Второе - отсутствие Голубева и управляющего. Третье - стул, на котором ещё пару минут восседал владелец ресторана, не стоит, а лежит на полу, словно его кто-то пихнул ногой и тот упал на бок. Торможу и поражённо оглядываюсь на знакомых охранников. У тех одинаковое безэмоциональное выражение лица, из-за чего они больше напоминают каменные изваяния, чем живых людей.

Ничего не понимаю… Что тут, чёрт возьми, происходит?!

Мурат, видимо почувствовав моё приближение, выпрямляется и оглядывается. Смотрит, как и его подчинённые,

равнодушно, отходит от Баграева к валяющемуся стулу и возвращает его в надлежащее положение. После, на удивление, просто берёт и… Уходит вместе с остальными? Мне не кажется?

Ошарашенно провожаю глазами массивные фигуры до выхода из ресторана и подпрыгиваю на месте, когда слышу ультимативное:

- Садись, Маруся.

Кроме меня и Тамерлана в зале больше нет никого.

Глава третья. Предательство, которого не было

3.1

В этот раз дыхательная практика не помогает, потому что я попросту не помню не то что как её делать, а даже своё имя. Пялюсь во все глаза на тёмный короткостриженный затылок и, кажется, даже не дышу.

Это он мне, да? Правда? Сесть? С ним? Наедине?

Так, ладно, нужно как-то взять себя в руки. Нужно как-то сделать вид, что мне абсолютно на него ровно и не вызывать ненужных подозрений. Если он поймёт, что я по нему сохну, то от меня останется лишь кучка пепла, потому что сгорю от стыда в ту же самую секунду! А у меня мама как-никак, Аланка… Нельзя мне пеплом становиться, ну вот никак нельзя! Впрочем, и влюбляться в него тоже было нельзя, но это меня три года назад не особо волновало и вот к чему это в итоге привело - стою, ресницами хлопаю, как дурочка, и сама же со своими эмоциями справиться не могу. Наваждение какое-то, не иначе…

Взволнованно пробегаюсь языком по сухим губами и делаю шаг к нему, потом ещё один, и ещё, пока не останавли-

ваюсь у стола, продолжая держать в руках поднос. Он достаточно тяжёлый, но веса его не замечаю, так как всем своим естеством сейчас настроена на мужчину в полметре от меня. Баграев молча кивает на стул напротив и я не смею ослушаться, так и сажусь с подносом наперевес, на что он слегка тянет правый уголок губ в полуухмылке. Ни разу не видела как брат подруги улыбается. Обычно он всегда серьёзен, уверен, невозмутим и неприступен. Холоден, как айсберг из той песни примадонны российской эстрады. И сейчас это подобие улыбки кружит мне голову похлеще бокала шампанского, выпитого залпом под бой курантов на Новый год. И в груди тоже будто пузырьки взрываются, щекочут, мурашки по коже шлют. Что же со мной будет, когда я увижу его полноценную улыбку, которая затронет не только губы, но и чёрные глаза? Заранее неотложку что ли вызвать? Хотя не поможет же… Не спасёт моё уже непринадлежащее мне сердце.

- Расскажешь? - спрашивает негромко, смотря в глаза.

Сглатываю и крепче стискиваю пальцы подносе.

- Ч-что? - еле слышно шевелю губами в ответ.

- С каких пор ты работаешь на Голубева?

- Эм… Где-то… Месяцев пять, наверное.

Его цепкий взгляд меня будто в плен берёт. Снова не могу пошевелиться. Снова сама себе не хозяйка.

- Зачем?

- За… За зарплату, - ляпаю очередную глупость, не поду-

мав.

- И? Много заработала?

Напрягаюсь, пытаясь вспомнить все зачисления на зарплатную карту с момента трудоустройства здесь. Сумма получается смешная по сравнению со стоимостью того же пиджака, так красиво подчёркивающего разворот его плеч, но мне её хватило, чтобы заплатить остаток за прошлый семестр и накопить половину для оплаты этого. Уже хочу было её озвучить, как глаза напротив вдруг в разы холодеют. Замираю, как суслик, учуявший опасность, вот только в то же время ощущаю что угодно, но не страх. Больше себя в этот момент боюсь и своей реакции, чем его, хотя, наверное, следовало бы наоборот. Неспроста же эти вопросы, верно? Раньше, помимо лёгкого кивка в свой адрес в качестве приветствия, ничего больше от него не получала, а сегодня столько слов мне сказал… Ещё на лет пять хватит, чтобы перед сном раз за разом в мыслях прокручивать и млеть без оглядки.

- Ласточка… – обращается ко мне по прозвищу, данному Аланкой, и бабочки в моём животе сходят с ума в тот же миг. - Не разочаровывай меня.

На то, чтобы понять, что именно он имеет ввиду, уходит около минуты. Думать расплавленным из-за его близости мозгом сложно, но, когда, до меня всё-таки доходит, то морок спадает, как по щелчку пальцев. На его место приходит негодование и обида.

- Тамерлан Заурович, вы что решили, что я… Я… О вас… Ему… - с громким звоном ставлю поднос на стол. - Стучала?

Мысли скачут с одного на другое. В голове никак не укладывается то, как он мог такое обо мне подумать! Навешать на меня ярлык предательницы-шпионки! Да я… Я… Его так сильно! А он!

- Вы…! - сжимаю ладони в кулаки и смотрю ему прямо в глаза, забыв о стеснении и пылая в праведном возмущении. - Как вы вообще…! - качаю головой, никак не в силах поверить в происходящее. - Я работаю здесь всего лишь официанткой! Чтобы было чем платить за учёбу и на что жить! Голубева до этого дня видела пару раз и то издалека и… Я даже не знала, что вы знакомы! И о том, что я вас знаю, никто не в курсе! Это…

Хватаю воздух ртом, не зная, как ещё ему объяснить, доказать свою невиновность и в целом каким-то образом вырулить из этой дурацкой ситуации. Вышла, блин, не по графику коллегу подменить и лишнюю копеечку заработать! Мало того, что стала свидетельницей каких-то криминальных, судя по всему, разборок, так ещё и обвинили во всех грехах! И ладно бы кто-то другой, не Баграев, это сделал, ещё бы не столь обидно было, а так…

Поджимаю губы и отвожу взгляд в сторону, пряча повлажневшие глаза.

Я, действительно, никогда и нигде не распространяюсь что имею какое-то отношение к семье Баграевых. В универ-

ситете, да, знают, потому что мы с Аланкой обычно не разлей вода, мама знает, потому что подруга периодически заглядывает к нам в гости, ну, может, вездесущие бабульки у подъезда тоже в курсе, потому что считают, что всё знать - это их прямая обязанность, и на этом всё. Всё! Не в моих правилах кичиться подобным. Мама меня не так воспитывала! Да и дружу я с ними не из-за их влиятельности и богатства, а из-за того, что люблю! И подругу люблю, и семью её уважаю очень, и в целом очень ценю и дорожу нашим общением. Про то как к самому Тамерлану отношусь и вовсе промолчу. Даже если бы я располагала бы какой-нибудь важной информацией о нём, его делах или остальных Баграевых, то никогда и ни за что на свете не использовала бы её в корыстных целях. Не предала бы.

3.2.

- Да и вообще, что бы я ему могла о вас рассказать?! - снова завожусь, сама же себя распаляя. - Я же вижу вас в лучшем случае раз в два или три месяца. Алана, если о вас и говорит, то только о том, как любит, что вы ей подарили или как скучает, когда вы заняты делами и подолгу не приезжаете в гости. Чтобы знать что-то поинтереснее мне надо не её подругой быть, а вашей любо…

Замолкаю на полуслове, осознавая куда меня на эмоциях занесло, перевожу глаза на него и отчаянно краснею. Тамерлан сидит во всё той же позе, смотрит на меня по-прежнему жёстко, испытывающе и в то же время так… Так… Так, что у меня вновь пересыхает во рту, как в аномальную жару.

- Договаривай, - приказывает.

- Не надо, Тамерлан Заурович, - краснею ещё сильнее. - Я не…

- Договаривай, Ласточка, - непреклонно и твёрдо.

Откашливаюсь и облизываю губы. Ну, вот кто меня за язык тянул, а? Зачем сначала делаю и только потом думаю? Почему маму не слушаю? Она же всю жизнь мне твердит о важности обратного порядка этих действий. А теперь… Слово ведь не воробей, сказала “а”, говори и “б”.

- Любовницей, - произношу тихо, наконец, набравшись смелости, и чувствую, как краска смущения, помимо щёк,

заливает вдобавок и уши с шеей.

Баграев же в в отличие от меня непоколебимо спокоен, серьёзен и отстранён, будто я ему остановки своей линии метро по алфавиту перечисляю. Обсидиановые глаза медленно скользят по моему лицу, затем, как пятнадцать минут назад, спускаются ниже по тому же маршруту - шея, воротник рубашки, ключицы, плечи и… Меня словно кипятком ошпаривает, когда мужской взгляд касается груди.

Внутри мгновенно вспыхивает что-то, о существовании чего в себе я до этой секунды и не подозревала. Вспыхивает, разливается по венам, повышая температуру, и скручивается узлом внизу живота. Ощущения одновременно странные, необычные и… Приятные?

Ещё и воздух вокруг будто искрит… И дыхание сбивается. И как же хорошо, что сижу, а не стою. Хорошо, что уже красная, как помидор. Хорошо, что здесь больше никого нет, иначе…

Шумно выдыхаю, когда брат подруги резко вскидывает глаза к моему лицу. А следом сразу понимаю, что ТАК на меня ещё никто не смотрел. Ни разу за мои почти двадцать три года. Нескромно, прямо, остро. По-взрослому.

- Ещё есть что сказать?

Его голос отзывается во мне и, кажется, по всему залу ощутимой вибрацией. Заполняет всё пространство. Тревожит сладко, будто мне и без того ощущений, им вызванных, мало. Дурманит.

- Нет… - киваю, противореча самой себе, и тут же отрицательно качаю головой, выпалив: - Да, есть!

От одной только мысли о том, какой наверняка дурочкой выгляжу со стороны, хочется сделать фейспалм, но Баграев на мою тормознутость и бровью не ведёт, что придаёт немного сил для того, чтобы, наконец, сформулировать кашу из мыслей в чёткое и осмысленное предложение.

- Я не предательница, Тамерлан Заурович. Клянусь.

- Чем?

- Чем хотите.

- Даже так? - он дёргает вопросительно бровью и, не дожидаясь ответа, словно обещает: - А ведь я могу хотеть многого, Маруся. Не боишься?

Ошеломлённо хлопаю ресницами, теряя только-только обретённую с таким трудом концентрацию.

Что же ты со мной делаешь, брат подруги… Я же и так целиком и полностью твоя, даже если об этом молчу.

Тамерлан внимательно отслеживает мою реакцию, сверля своими космическими чёрными, и воздух между нами уже не просто искрит, а плавится от напряжения.

- Ну и пусть… - шепчу, не в силах оторвать от него глаз. - Не боюсь.

- Смелая Ласточка. Только с другими такой быть нельзя. Небезопасно.

- А с вами? - вылетает прежде, чем успеваю себя остановить. - Можно?

На его губах снова появляется эта сногсшибательная полуухмылка. Я понятия не имею каким образом наш разговор свернул в это русло и к чему именно он приведёт, но одно осознаю предельно ясно - чтобы видеть старшего брата подруги *таким,* готова на всё. И заживо гореть в нём же. И играть в игры по правилам, которых не знаю.

- Только мне и можно, Маруся. Других вариантов у тебя нет и не будет.

Ох… Просто "ох" и всё! Прозвучало так, будто к пожизненному меня приговорил. А я и не против. Я только "за".

- Тогда… Получается, что вы… Верите мне?

Не усну, если не услышу положительный ответ на свой вопрос. Но вместо того, чтобы меня успокоить, Баграев, кинув взгляд на свои дорогущие часы, вдруг поднимается на ноги и одним выверенным движением застёгивает пиджак. Молча. Берёт телефон в руки. Тоже молча. И поворачивается лицом к выходу. Снова, чёрт возьми, молча!

Стону про себя, пялясь снизу вверх на его эффектный профиль.

Ну за что мне это, а? Подменила, называется, коллегу! Заработала себе на интернет с утренним кофе! В итоге только синяки заработала, вляпалась непонятно куда и без вины виновной оказалась. Уволюсь отсюда нафиг завтра же!

- Не надо. Это теперь мой ресторан, - мужчина опускает на меня глаза. - Тебе здесь больше ничего не угрожает.

Я настолько в шоке от услышанного, что даже не осознаю,

что думала вслух.

- Вы его купили?!

Тамерлан, вводя в меня ещё больший ступор, протягивает ладонь и невесомо заправляет выбившуюся из пучка после дёрганья меня туда-сюда управляющим прядь волос за ухо.

- Нет, Ласточка, - каждое слово, как разряд тока. - Я просто забрал то, что моё по праву.

Глава четвёртая. (Не)лишняя

4.1

От усталости болит, кажется, всё тело. Шея, руки, спина, ноги. Поэтому волочусь до метро, едва переставляя последние, пока мимо меня праздно прогуливаются прохожие - кто парами, кто компанией, кто с музыкой в ушах. Я им не завидую (ну, ладно, может быть немного), так как выходной сегодня не только у них, но и у меня тоже, что означает отсутствие занятий в университете и вторую смену в ресторане, позволяющую мне провести вечер так, как душе угодно. Ещё и пришедшая сегодня первая после смены руководства зарплата очень греет душу. Так и подмывает заказать что-нибудь вкусненькое и вредное, чтобы себя порадовать, но я пока просто смакую приятную сумму в приложении банка и добрым словом вспоминаю причину моей идиотской улыбочки и кардинальных перемен на работе в одном лице.

Тамерлан меня не обманул. Ресторан, действительно, перешёл во владение к нему и после этого в короткие сроки произошло столько, сколько не происходило за мои почти полгода работы в нём. Кадровая чистка, начиная с начальства и заканчивая кухонными работниками, набор нового персонала, их обучение, пересмотр концепции, меню,

выплат сотрудникам и так далее и тому подобное. Голубева и управляющего, будто и не бывало никогда. Девчонки с вечерней смены рассказывали мне, что последний, перед тем как окончательно кануть в небытие, появлялся на днях и выглядел, мягко говоря, неважно - жалкий, без прежней спеси, избитый и с гипсом от кончиков пальцев до плеча на правой руке. Той самой руке, которой дёргал и держал меня в тот день. До сих пор, кстати, синяки не сошли из-за него, гада… Вот что, значит, карма! Бывший хозяин исчез и где он и что с ним не знал никто, впрочем, как и о Ксюхе, которой я высказала всё, что думаю, успокоившись после того разговора наедине с Тамерланом. Она моё голосовое сообщение прослушала, но ничего на него не ответила, а потом и вовсе перестала появляться в сети и в ресторане. Правда, никто по ним и тех, кого уволили, не горевал, так как личностями они были, прямо говоря, не очень, да и некогда было. Новое руководство взялось за свои обязанности со всей ответственностью и энтузиазмом и их старания окупились очень скоро, в связи с чем к нам уже какой день подряд посетители шли плотным потоком, что, конечно, влияло на зарплату с чаевыми и в то же время порядком вымотывало. Но эта была приятная усталость с осознанием того, что все потраченные силы ушли ради такой хорошей суммы на карте, а не ради пяти копеек, едва хватающих, чтобы закрыть ими основные потребности.

Так что и волочусь я сейчас довольная, пусть и очень

уставшая. После смены даже людей люблю, а не как обычно проклинаю весь человеческий род. Вот до чего хорошая зарплата доводит!

Хмыкаю себе под нос и поправляю выбившиеся из-под шарфа волосы. На глаза попадается реклама доставки из ресторана азиатской кухни, во рту мгновенно выделяется слюна при виде особо вкусных блюд и рука уже сама тянется к карману за телефоном, как тот оживает, едва успеваю к нему прикоснуться.

Смотрю на экран и губы складываются в улыбку. Аланка.

- Привет, красота моя, - отвечаю на вызов.

- Привет, Ласточка! Слышу, у тебя довольный голос, - подруга, судя по голосу, тоже улыбается. - Очень этому рада! Что делаешь?

- Еду домой. Ну, точнее пока иду, но скоро поеду, так как до метро мне осталось топать совсем немного.

- М-м-м, как интересно… А я тебя хочу в гости к себе позвать.

- Сейчас?

- Да, мне очень скучно, уже не знаю чем себя занять. Спасёшь меня от хандры?

- Аланчик, я после смены, устала…

- Ну, пожа-а-алуйста, Мару-у-усь! - начинает жалобно канючить подруга. - Я, правда, в этих стенах скоро с ума сойду! Надоело пялиться в планшет или потолок, понимаешь?

- К сожалению, нет, не понимаю.

Мне усталость от такого счастья только снится. Уже забыла, когда в последний раз сериал смотрела или просто ничего не делала. В последнее время ни минутки свободной не было. Если не универ, то работа, если не она, то домашние дела и так по кругу.

- Ещё мама снова рычит. Братья сказали, что не приедут на семейный ужин, и она теперь на мне срывается. И так никуда не пускает, ещё и пилит по поводу и без, - понизив голос почти до шёпота, обиженно делится Алана. - Даже к тебе не хочет отпускать, представляешь? Говорит, либо Маруся к нам приезжает и вы общаетесь у нас дома, либо… - вдруг замолкает, будто прислушиваясь, и через несколько секунд в сторону отвечает: - С Марусей, мам, с кем мне ещё говорить?

На заднем фоне слышится голос её мамы, затем удручённый вздох подруги и бессильно-покорное:

- Да, мама, я тебя поняла… Маруся? Она… Да, она сегодня приедет к нам.

Здрасьте-приехали! От Аланкиной наглости давлюсь холодным вечерним воздухом.

- Аланка! Я не говорила, что приеду! Не обманывай!

- Хорошо, мам, - проигнорировав меня, продолжает Баграева как ни в чём не бывало. - Когда приедет? Ну… Через час-полтора, наверное.

- Мне до дома только минут сорок добираться, а ещё нужно в порядок себя после работы привести! Совесть имей, слышишь? Скажи хотя бы часа через два!

- Через два, - мгновенно поправляется эта коза и по голосу слышу как она собой довольна. - Да, мам. Хорошо, - и, наконец, обращаясь ко мне: - Мама сказала, что мы тебя ждём через два часа, Марусь.

Вздыхаю, с тоской смотрю на рекламный щит, потом вспоминаю богичные кулинарные таланты матери подруги и еда из доставки уже не кажется такой уж и притягательной.

- Получишь у меня, Баграева, поняла? - сдаюсь окончательно, понимая, что обратного пути уже нет.

- Боюсь-боюсь, - хихикает она, напрочь забыв о своей зелёной тоске и скуке. - Давай, Ласточка, лети домой. Через полтора часа машина будет у твоего подъезда.

- Я сама прие…

- "Сама" ты к полуночи до нас доберёшься, так что не спорь и поторопись.

Попрощавшись с ней, ещё раз вздыхаю. На этот раз из-за предстоящего кросса до дома на ноющих ногах, но делать нечего. К Баграевым опаздывать нельзя, так как у них пунктик на пунктуальность и ответственность, поэтому устала-не устала, но успеть прибыть к назначенному времени обязана.

Ладно, долгожданный и заслуженный отдых откладывается на неопределённое время. Грустно, конечно, но во всём есть свои плюсы, правда ведь? Аланку увижу, с которой в последнее время мы успевали видеться только в универе, а вне его стен в основном переписывались онлайн, потому что у меня работа, а у неё специфический семейный уклад, не

разрешающий ей выходить из дома по пустякам и тем более без сопровождения старших после пяти часов вечера. Вкусностей отведаю и… И, наконец, успокою сердце, которое с последней встречи со старшим братом подруги не знало покоя. После того как первые и самые яркие эмоции улеглись, я не могла не начать думать и анализировать произошедшее. Появление Тамерлана в ещё тогда заведении Голубева, отношения с которым у него явно не дружеские. Подозрения насчёт меня. Слова про “моё по праву”. Вспоминаю и каждый раз мурашки… Очевидно же, что неспроста это всё. И загадочные “инструкции” для Ксюхи, в которые меня не посвятили, от управляющего и биг-босса, и их поведение, и исчезновение после, тоже неспроста. Неужели у Баграевых проблемы? Из-за Голубева? Зачем Тамерлан с ним виделся? Что бывший владелец ресторана натворил, раз с такой лёгкостью и скоростью его лишился? Чего он изначально хотел добиться? Ведь первые минуты чувствовал себя очень даже свободно и раскованно... А Ксюшке и, соответственно, потом мне, какая роль во всём этом отводилась? Одни вопросы без ответов, тревожащие меня уже какой день подряд. Не из-за себя даже, совершенно случайно встрявшей в эту историю, а из-за Тамерлана и всех Баграевых в целом. Вдруг им угрожает какая-нибудь опасность? Сомневаюсь, конечно, что Алана была в курсе случившегося или в курсе наличия этой самой угрозы, но осторожно поинтересоваться о делах её семьи всё же стоило, иначе точно места себе не найду.

4.2

Пересилив усталость и неприятные ощущения в теле, успеваю добраться до дома, привести себя в порядок и доехать до закрытого элитного посёлка, где проживала подруга, даже на десять минут раньше оговоренного времени. На пороге меня первой встречает тётя Фатима - главная по хозяйству в огромном доме Баграевых, больше напоминающим особняк, и верная подруга его хозяйки.

- Здравствуй, красавица, - приветливо улыбается она, расцеловывает в щёки и, отойдя на шаг назад, осматривает меня с ног до головы. - А исхудала-то как! Ты, вообще, ешь, Марусенька? Просвечиваешь же!

Негодующе всплёскивает руками и качает головой, недовольно сверкая большими глазами. Хочу было заверить её в своём полноценном питании, как в прихожей с поистине королевской осанкой и преисполненная достоинством появляется женщина выше среднего роста, выглядящая в свои пятьдесят с хвостиком лет так, как мои сокурсницы в свои двадцать с небольшим не выглядят. Густая копна чёрных как смоль волос убрана в идеальный низкий пучок, такого же цвета закрытое платье в пол сидит на ней так ладно и красиво, что невольно зависть берёт, на плечах дорогущий шёлковый платок, в ушах, на шее, руках сверкают драгоценности, но ярче их стальным блеском сверкает холодный

взгляд обсидиановых глаз. Сати Багараева собственной персоной. Мама пятерых сыновей и одной дочери. Женщина, закалённая в бедности и богатстве, бедах и успехе, горестях, потерях и гордости за своих детей. Глыба, чей авторитет, сила и несгибаемый характер не поддавался сомнению никогда и никем. Будь у неё амбиции стать диктатором и завоевать весь мир, то человечеству оставалось бы только смириться и преклонить колени. Её давящая энергетика заставляет амбалов-охранников вытягиваться по струнке, что уж говорить про меня.

Тут же выпрямляю спину, плечи, одёргиваю рукава чёрной облегающей водолазки и машинально провожу ладонями по тёмной джинсовой юбке-миди, разглаживая несуществующие складки. Сати (Только “Сати” и никак иначе! Без всяких “тёть”, отчеств и прочих глупостей!) подходит ближе и окидывает меня придирчиво-оценивающим взглядом, даже не особо его скрывая.

- Здравствуйте, тётя Фатима, - осознав, что так и не ответила на приветствие, торопливо здороваюсь. - Добрый вечер, Сати.

- Добрый, дорогая, - Багараева-старшая величественно кивает, обнимает и тоже расцеловывает меня в щёки, что означает, что фейс-контроль на сдержанность в одежде я прошла и можно немного выдохнуть. - Как добралась?

- Хорошо. Спасибо, что послали за мной машину.

- Не стоит. Фатима, кстати, права. Ты похудела.

Немного теряюсь, не зная, как реагировать. Её холодность и железное самообладание мешают пониманию того, с какой окраской было сделано данное замечание. Хорошо, что я похудела, или плохо? И что, в принципе, мне с этим фактом теперь делать? Поблагодарить за комплимент или бежать на кухню и съедать всё, что не приколочено?

- Эм… Возможно, - выбираю в итоге самый безобидный и нейтральный вариант. - Я не заметила. Как ваши дела?

- Алана у себя наверху, поднимайся к ней, - проигнорировав вопрос, приказывает Сати и отворачивается, направляясь в противоположную от лестницы, ведущей на второй этаж, сторону. - Через полчаса я вас позову на кухню, поможете мне в готовке.

Перечить ей, конечно, сродни безумию, поэтому покорно семеню в указанную сторону, невольно прислушиваясь к звучанию командного голоса хозяйки дома, в котором сейчас нахожусь. Увидев её в первый раз, едва смогла вымолвить пару слов, настолько она меня впечатлила и, честно говоря, напугала, а после подобных фирменных строгих взглядов и вовсе решила, что совершенно матери подруги не понравилась. В обратном меня убедила сама Аланка, сказав, что её родительница со всеми такая и не стоит принимать её суровость на свой счёт. Единственное исключение, когда она оттаивала, улыбалась и становилась обычной женщиной - это в моменты общения со своими детьми. Особенно с Тамерланом, которого, опять же по словам подруги, Сати любила

больше всех на свете, превозносила его и в целом крайне трепетно к нему относилась, не скрывая это ни перед кем. Ни перед родственниками, ни перед знакомыми, ни даже перед остальными детьми. Те, впрочем, такое неравенство в родительских чувствах принимали и, самое главное, понимали, зная, что не только за красивые глаза он мамин любимчик.

Сати родила его рано, в шестнадцать лет, и, пока муж пропадал на работе, единственным источником тепла и любви в, мягко говоря, не самой приветливой и дружелюбной семье супруга был маленький Тамерлан. Потом, спустя три года, родился Аслан, после этого, через ещё три года, на свет появились близнецы - Давид и Илас, затем, через два года, Алихан, а после, снова спустя три года, неожиданно для всех высшие силы подарили семье Баграевых единственную и оттого горячо любимую дочку Алану. Её появление сделало из Заура Баграева, давно мечтавшего о дочери, самого счастливого человека, только, к сожалению, это счастье длилось недолго. Вскоре у него обнаружилось серьёзное заболевание и данная новость, ставшая приговором, разделила жизнь их семьи на до и после. Полное излечение невозможно и даже деньги, связи, влияние в этой ситуации были бессильны. Они лишь слегка облегчили его муки, когда болезнь на долгие годы приковала мужчину к постели, от которой Сати впоследствии на протяжении всех этих ужасных лет не отходила ни на шаг и каждую секунду посвящала заботе о супруге.

На Тамерлана же, как на самого старшего, взвалилась но-

ша воспитания и присмотра за младшими, поддержание порядка в делах и управление семейным бизнесом, и со всем из этого он справился просто превосходно и сделал даже больше, чем должен был. Заменил братьям и сестре отца, обеспечил всем безбедную в финансовом плане жизнь, дал образование, поддержку, защиту и в целом возможность побыть младшими детьми в семье, параллельно при этом не только удержав семейное дело в своих руках, но и выведя его на головокружительную высоту, чем подарил шанс не беспокоиться о будущем не только своим будущим детям и внукам и отпрыскам братьев с сестрой, но и всем, вместе взятым, правнукам. Признанным главой семьи, без ведома и слова которого ничего не решалось, он стал задолго до смерти отца, а уход из жизни последнего окончательно закрепил за ним эту позицию. Теперь фамилия "Баграев" в первую очередь ассоциировалась с ним, что, впрочем, нисколько не ущемляло младших членов семьи, боготворивших его наравне с матерью.

Подруга однажды и вовсе призналась, что своего отца почти не помнит, так как он заболел, когда ей ещё восьми лет не было, а потом Сати никого к нему не подпускала, но помнит как Тамерлан делал с ней и остальными уроки, учил кататься на велосипеде и подарил первые фигурные коньки. Да и в целом Алана редко когда обходилась без упоминания своих старших в разговоре, они же в свою очередь её холили и лелеяли, что не могло не вызывать белую зависть, потому что

я о чём-то подобном могу только мечтать.

Мама с бабушкой меня вырастили одни и нам всегда приходилось полагаться только на себя, так как помощи и поддержки ждать было не от кого. Дедушка умер, когда мне только-только исполнилось три года, папу я вовсе никогда не знала и не видела, потому что он не захотел брать на себя ответственность и, оставив мамулю беременной, исчез в неизвестном направлении, других родственников также не значилось, поэтому волей неволей расстановка сил в семье Баграевых, в которой женщинам не приходится бороться за существование и тянуть лямку в гордом одиночестве, изредка заставляет меня тоскливо вздыхать. Но это не означает, что я недовольна своей жизнью и не благодарна маме с бабулей и себе любимой за то, что мы имеем, просто хочется, чтобы жилось чуть-чуть легче и свободнее. Не думать о деньгах, работе, будущем… В моменте жить хочется и при этом в полном комфорте.

Н-да… Раскатала, называется, губу. Ну, ничего страшного! Всё и у меня, и у мамы будет! Вот доучусь, устроюсь на хорошую должность, буду усердно работать и помогу маме закрыть ипотеку, а потом, если всё сложится так, как я мечтаю, и себе квартиру куплю. Или, может, даже замуж выйду, кто знает. Не за кого, правда, но, как говорила моя бабуля, это дело на раз плюнуть, главное, плюнуть правильно, чтобы потом не пожалеть.

4.3

Улыбнувшись воспоминаниям о ней, коротко стучусь в дверь комнаты Аланы и захожу внутрь, заставая ту в привычной позе. Лежит, распластавшись по всей постели аки морская звезда, густой водопад чёрных волос свисает с высокой кровати, доставая кончиками пола, в левой руке - телефон, в правой - игрушка-антистресс в виде буханки хлеба, подаренная мной на прошлое восьмое марта, на животе ноутбук с включённым сериалом, конечно же, турецким, на экране которого рыдает взахлёб очередная бедная героиня, а над ней возвышается злющий, всеми силами пытающийся выглядеть брутально такой же очередной бородач и орёт во всю глотку.

- Ты же рассказывала, что они друг другу в вечной любви клялись, чего он теперь истерит? - спрашиваю, подойдя ближе.

Подруга громко фыркает и, не отвлекаясь от просмотра, отвечает:

- Это было две серии назад!

- И что это значит?

- С того времени они успели развестись, посвататься к другим, попасть в аварию, чудом выжить, узнать о предательстве его семьи и тайне её рождения. Она, оказывается, внебрачная дочь мужа его тёти, заменившей ему мать, так как та бросила его в пятилетнем возрасте на улице. А ещё

выяснилось, что его лучший друг безответно в неё влюблён, представляешь?

- В кого? В мать или тётю, заменившую мать?

Аланка, наконец, отрывается от сериала, поворачивает голову ко мне и смотри так, будто я сказала, что "жи-ши" с "ы" пишется.

- В главную героиню!

- Ну, прошу прощения!, - хохочу, плюхаясь рядом с ней. - Не секу фишку в шедеврах кинематографа, каюсь.

Подруга недовольно двигается и снова погружается в свою мыльную оперу, но я быстро закрываю ноутбук и убираю его себе за спину, чем вызываю возмущения масштабом не меньше, чем у того бородача с экрана.

- Марусь, ты что творишь?! Я не досмотрела!

- Если хотела смотреть их, то зачем меня уставшую после смены вызвонила, а? Жаловалась, что скучно, что не знаешь, чем себя занять, что хандра замучала, а сама?

- Ой, ну, подумаешь, - она беззаботно отмахивается и вертит головой, прицениваясь как бы забрать у меня свой ноутбук. - Не ворчи, давай лучше вместе посмотрим? Это очень интересный сериал, честно!

- Нет уж, дорогая, никаких мыльных опер с бородачами в главных ролях. Я между прочим к тебе в гости ехала, так что, давай, выкладывай с чего взялась эта хандра.

Алана закатывает глаза, поджимает губы, но, когда я показательно кладу ноутбук на пол под кровать, не спорит. Вздыхает

хает только тяжело и снова разваливается на кровати, положив голову мне на колени. Тут же по привычке запускаю пальцы в её шикарные волосы и принимаюсь плести косички в качестве медитации, ожидая, когда подруга соберётся с мыслями.

- Сама не знаю, Марусь… - вздыхает повторно, пялясь в потолок. - Просто как-то тоскливо и скучно. На парах неинтересно, дома мама жизни учит, братьям некогда, ты на работе. Кажется, скоро свихнусь тут одна…

- Может, хобби себе новое найдёшь? Крестиком вышивать? Йога? На скакалке во двое прыгать?

- Ага, я тебе циркачка что ли, Ласточка?

- Ну, а что тут такого, Алан? Движение - это жизнь! Займёшь себя чем-нибудь активным или чем раньше никогда не занималась и тоска сама исчезнет.

- Нет, нет и ещё раз нет. Не хочу!

- А что тогда хочешь?

- Да вот в том-то и дело, что я не знаю что хочу.

Н-да, беда… Задумываюсь, пытаясь придумать выход из ситуации, но в голове на этот счёт пусто, потому что состояние подруги мне незнакомо. Скучать я не умею и всегда что-нибудь да делаю - читаю, готовлюсь к занятиям, рисую, бегаю с заказами в ресторане как электровеник, устраиваю грандиозную уборку под любимые песни с лозунгом “соседи, вешайтесь, подонки!”, болтаю с мамой обо всём на свете, занимаюсь готовкой, только бы она не тратила свои бесцен-

ные часы отдыха на то, чтобы стоять у плиты. Да и в целом вижу жизнь очень интересной и многогранной штукой, что поддаваться плохому настроению и беспочвенной меланхолии при её многообразии мне кажется настоящим преступлением. Аланка же не такая. Её характер похож на характер Печали из шикарного мультфильма о человеческих эмоциях. И это не плохо, все мы разные, все мы люди-человеки и каждый по своему живёт эту жизнь, но иногда я за Баграеву беспокоюсь, так как абсолютно не знаю как свою подружаню расшевелить и заставить её красивые чёрные глаза сверкать. Как бы это душно и банально не звучало, но время же не стоит на месте и нужно столько всего успеть увидеть-услышать-достичь-узнать-почувствовать! Голова кругом! И мир на одних сериалах в четырёх стенах не заканчивается. С её-то возможностями и фамилией… Эх!

- Алан, не попробуешь - не узнаешь, - начинаю на тысячный раз речь, которую мы обе уже знаем наизусть. - Ты же у меня такая умная, красивая, талантливая, замечательная! Просто возьмись за что-нибудь и у тебя всё обязательно получится!

- Тебе легко говорить.

- Почему это?

- Потому что что бы ты не делала, всегда конфетка получается, - Баграева дёргает точёным плечиком и хмурит густые брови идеальной формы. - А я…

- А ты ещё просто не нашла то занятие, которое тебе, дей-

ствительно, будет по душе!

Аланка повторно дёргает плечом, но уже с явным недовольством, строит моську в стиле: “Ну, как же ты меня достала!” и пытается отстраниться, вот только к подобным проявлением характера от неё я уже привыкла и просто сгребаю её в охапку, прижимая к себе с пущей силой. Та для вида ещё пару секунд пыхтит и ворочается в моих объятьях, а потом всё же успокаивается и обнимает меня в ответ, сменив гнев на милость.

- Алан, я серьёзно, задумайся над этим. Чтобы куда-то дойти, нужно идти, а не лежать. Начни с малого, попробуй одно, потом, если не понравится первое, второе и так далее. Я уверена, рано или поздно ты найдёшь своё.

- Не хочу искать! Своё само меня должно найти.

Я озадаченно сдвигаю брови к переносице, стараясь понять об одном мы говорим или уже о разном. Впрочем, даже если всё-таки о разном, сути это не меняет. По крайней мере мне так кажется, но моя правда - это моя правда, и, согласно ей, никто не способен принести тебе счастье на блюдечке с голубой каёмочкой, пока ты сам сидишь, сложив ручки, и ждёшь сие радостного момента. В случае же с Аланкой данная философия существенно проигрывала, потому что это блюдечко в её семье служила миской для упитанного кота с царскими замашками. Может, привыкни я с самого детства ни в чём не нуждаться, то думала бы также?

4.4

Задумавшись, выпадаю из реальности и чуть не подпрыгиваю от неожиданности на кровати, когда входная дверь открывается и на пороге во всей своей восточной красе появляется Мадина Баграева. Жена Аслана Баграева, второго сына по старшинству в большой семье Баграевых, и невестка Аланы по совместительству. Как обычно, гордая, преисполненная собственной важности и значимости, смотрящая чуть ли не на всех вокруг сверху вниз и всегда, независимо ни от чего, чертовски красивая. Находясь рядом с ней - высокой, статной, женственной, умеющей себя подать и внешне, и внутренне, я перманентно чувствую себя серой мышкой, простолюдинкой в лохмотьях, которую зачем-то пустили в господский дом к барскому столу. И сейчас, когда она, затянутая в чёрное обтягивающее платье в пол с длинными рукавами, что невероятно выгодно и соблазнительно подчёркивает её фигуру, стилизованное дорогущими ювелирными украшениями и аксессуарами, с убранными в толстую, волосок к волоску косу и макияжем с акцентом на больших колдовских карих глаз, одаривает меня и подругу надменным тяжёлым взглядом, ничего не меняется. Сразу хочется втянуть голову в плечи и постараться слиться с интерьером, чтобы избежать пристального внимания этой молодой женщины, чей характер Алана с нескрываемым раздражением

описывает, по меньшей мере, как стервозный, а саму Мадину последней гадиной.

И, если сначала, до того, как столкнулась с невесткой Баграевых лично, считала, что подруга преувеличивает из-за нежелания делить старшего брата с кем бы то ни было, то после нашего с ней знакомства поняла, что доля правды в этой характеристике всё же имеется. Она относилась к тому разряду людей, чья тяжёлая, ядовитая энергетика говорила громче, чем их любое, даже самое безобидное слово, и первое, не самое приятное впечатление о них не менялось, чтобы они не делали, наоборот даже, оно подтверждалось на практике и с каждой последующей встречей только ухудшалось. А потом Аланка вдобавок поведала о том, как Мадина, будучи старше её на пару лет и на основании близкого общения ещё с детства, в связи с тем, что их семьи, в частности отцы, очень близко дружили и вели совместные дела в бизнесе, несколько лет назад специально набилась к ней в лучшие подруги. И не просто так, потому что Алана хороший человек и классная девчонка, а в матримониальных целях добраться до её старшего брата и тоже стать Баграевой.

Я не знаю подробностей, знаю только то, что очевидно, что план Мадины сработал, из-за чего она тут же забыла о своей дружбе с сестрой уже мужа и тем самым нанесла Алане, которую попросту использовала, душевную травму. Подруга из-за случившегося долгое время не могла к себе никого, кроме семьи подпустить, и теперь имела на этот счёт

пунктик - не дай Бог кто-то из приятельниц положит на её братьев глаз. И я, прекрасно зная о данном факте, молчала и продолжаю молчать о своих чувствах в тряпочку, так как своим признанием всё равно ничего не добьюсь, а подругу потеряю. Аланка мне этого просто-напросто не простит. Мадину вон не простила до сих пор и их отношения даже под категорию "тяжёлые" не подходили, но её невестка была старше, носила такую же фамилию как она сама и к тому же родила Аслану сына, что закрепило её статус в семье Багаевых окончательно и бесповоротно, как бы её в ней в этом качестве видеть не хотели, и диктовало определённые правила общения с ней. Естественно, подруга не могла с этим смириться и всяческим образом демонстрировала то, насколько её данное положение дел не устраивает, только и поделать ничего не могла. Культура есть культура. Традиции есть традиции, а они у Багаевых вместо законов, следовать которым должны были все неукоснительно и без исключения при любом раскладе.

Вот и сейчас напрягшись всем телом Алана принимает вертикальное положение, смотрит на жену брата разъярённой волчицей и сквозь зубы вместо приветствия процеживает:

- Тебя помимо всего прочего и стучаться не учили?

Очевидно, что ей хочется сказать гораздо больше и жёстче, да только уклад семьи не позволяет, чем Мадина с удовольствием пользуется и осаждает подругу с едким:

- Следи за языком! Так будешь со своей этой… - пренебрежительно кивает в мою сторону, не удостоив даже взглядом. - Разговаривать, поняла? Ещё раз услышу, расскажу маме.

- Она моя мама! Моя и Аслана! И Маруся не “эта”! Это ты просто…

Сжимаю Аланкину ладонь, удерживая от скандала, который не закончится для неё ничем хорошим, и подруга шумно выдыхает, сдуваясь, как шарик.

- Ну? Что замолчала? Кто я? Кто?!

Вот же… Змеюка подколодная, правда! Специально же под кожу лезет! Всё никак упиться своей властью не может, подлюка!

- Молчишь? Вот то-то же! Знай своё место, - Мадина желчно усмехается, из-за чего вся её красота сыпется, как старая штукатурка, показывая истинную натуру. - И спускайся со своей этой… - выделяет специально, уже толкая на скандал меня. Какого лешего она, вообще, себе позволяет, в конце концов?! - Вниз. Сейчас же.

Плюнув в нас своим ядом и оставив кипеть от злости, быстро уходит, также специально оставив дверь открытой нараспашку. Я переглядываюсь с подругой, ловя в отражении её горящих от злости глаз своё такое же отражение, и понимаю, что желание догнать эту гадюку и устроить ей тёмную, душит сейчас не меня одну, но приказ Сати уже вступил в силу и нам остаётся только молча проглотить своё воз-

мущение и послушно спутиться вниз, где подготовка к ужину уже шла полным ходом.

4.5

Привычно занимаю место рядом с тётей Фатимой и подальше от Сати с Мадиной, засучиваю рукава, беру нож и под пристальным вниманием старших принимаюсь резать-рубить-шинковать-заворачивать и в целом стараться не упасть в грязь лицом. Не скажу, что приготовление еды, особенно традиционных блюд Баграевых, моя самая сильная сторона, но с Сати хочешь не хочешь, а мало того что готовить научишься, так ещё и сумеешь это сделать только вкусно и никак иначе.

А потом, когда моего активного участия на кухне не требуется, с занятий в спортивной секции привозят шестилетнего сынишку Аслана с Мадиной и я не могу от этого сладкого медвежонка, слава Богу, бывшего характером кипей своего отца, не затискать, отчего он заливисто и радостно хохочет. Его мать реагирует на это недовольным фырканьем и, не придав ребёнку особого значения, кроме дежурного приветствия, утыкается в телефон с видом “не трогайте меня, если не хотите получить новую порцию яда”. Эльман же, привыкнув к такому отношению, осознание чего в очередной раз заставляет моё сердце болезненно сжаться, не расстраивается и к ней больше не подходит, прилипнув ко мне с рассказами о новостях, которые накопились с последней нашей встречи. Без остановки тараторит о своих успехах в секции, о том, как

он с папой и дядями недавно ездили кататься на лошадях, и о количестве прибавившихся к своей богатой коллекции игрушек.

- …пойдём со мной играть! - просит с глазами кота из Шрека под конец своего рассказа и тянет в большую гостиную, в которой бы свободно разместилась футбольная команда. - Пойдём-пойдём-пойдём!

- Эльманчик, я…

- Пойдём! - и не дожидась моего ответа, поворачивается к Сати. - Ба, можно? Пожалуйста!

Та, наградив нас своим фирменным суровым взглядом, после недолгого раздумья согласно кивает и ребёнок принимается тянуть меня из кухни с пущей силой, а я, конечно же, не могу ему отказать. Слишком я к этому славному во всех отношениях мальчишке душой прикипела да и в целом детей люблю. Ну, и подумаешь, что устала и после рабочей смены и помощи в готовке едва ноги волочу. Неважно, переживу. Главное, что Эльман, которому очевидно не хватает внимания и вовлечения в свою жизнь взрослых, доволен и его красивые тёмные глаза радостно блестят, когда мы, устроившись на полу, сначала строим башню из лего, затем переключаемся на машинки, а потом, окончательно разыгравшись и забывшись, принимаемся носиться по первому этажу наперегонки с воздушным шариком, подкидывая тот в воздух не давая ему упасть.

От нас наверняка шумно и суетливо, но Сати, обычно с

пиететом относившаяся к покою в своём доме, на удивление, это терпит, наблюдая за нами нечитаемым взглядом, и что-то тихо обсуждает с Фатимой. И мне бы сразу обратить на данный факт внимание, ведь Баграевы никогда себе не изменяют, только я полностью сосредоточена на Эльмане и даже не замечаю как женская половина их семьи ровным строем направляется в прихожую, как открывается дверь и на пороге появляется несколько высоких мужских фигур.

- Ой, Маруся, лови-лови-лови! - кричит он, случайно отправив шарик в ту же сторону. - Он сейчас упадёт!

Мы на пару вылетаем в прихожую с одной целью - лишь бы только не дать шарику коснуться пола, и лишь тогда с опозданием понимаем, что здесь собралось как-то много людей. Эльмана за руку тут же ловит Мадина и останавливает его раздражённым:

- Сын, хватит уже! Что за поведение? Лучше поприветствуй своего отца!

Меня же ловить некому и, проскользив по начищенному до блеска полу, я врезаюсь в стоящего первым на моём пути человека. Мысленно все ещё бегу за шариком, поэтому осознаю происходящее с задержкой, растерянно хлопаю глазами и, потеряв баланс от столкновения, уже начинаю заваливаться назад, как сильная рука обхватывает меня за талию и, удерживая от падения, прижимает к… Тяжело дыша от бега, вскидываю голову вверх и попадаю в плен хищных обсидиановых омутов.

Тамерлан.

Сердце мгновенно ухает вниз, а я, глупо приоткрыв рот, теряю связь с реальностью, пялясь на него во все глаза. И вроде понимаю, что это невежливо и неправильно, тем более на виду его семьи, но… Он так близко, Боже. Как-никогда близко! Такой высокий, большой, красивый и по своему обыкновению невозмутимый. Взгляд тяжёлый, уверенный, нечитаемый. На мужественном лице ни единой эмоции, лишь непоколебимое спокойствие, что отзывается во мне на контрасте паникой с противоречивым желанием провалиться сквозь землю и вместе с тем задержаться в его руках как можно дольше. Можно даже до конца дней, я абсолютно не против, да.

С трудом сглатываю, не в силах прервать зрительный контакт.

А надо бы! Очень надо бы, иначе пиши пропало, ведь подруги сестёр не должны ТАК смотреть на их братьев, верно? Особенно на таких, как Баграев-старший. Особенно тогда, когда шансов на взаимность почти нет. Особенно… Особенно, когда осознаёшь, насколько сейчас по-идиотски выглядишь. Румяная, растрёпанная, просто одетая. А я это ещё как осознаю! А он, как всегда, одет с иголочки. А он, будто с обложки журнала в своём чёрном пальто, такого же цвета водолазке и брюках сошёл! А он… Пахнет. Боже, как же вкусно он пахнет!

- Ласточка, ты не ушиблась? - слышу как из-под толщи

воды голос подруги. - Всё хорошо?

Ох… Аланка, если бы ты только знала…

4.6

Собрав волю в кулак, заставляю себя вернуться с небес на землю, тут же жутко краснею под любопытными взглядами окружающих и цепким Тамерлана и, пробормотав под нос сбивчивое приветствие, торопливо прячусь за спиной подруги. Прижав ладони к горящим щекам, стону про себя, умирая от неловкости, и, как только Алана освобождается из объятий всех братьев, шепчу ей на ухо:

- Разве ты не говорила, что твои братья сегодня заняты и не смогут присутствовать на ужине?

Она, явно счастливая и довольная тем, что вся семья в сборе, как ни в чём не бывало пожимает плечами.

- У них поменялись планы, - переводит глаза на меня и чуть прищуривается с подозрением. - А что? Это проблема?

- Для тебя и твоей семьи - нет, а я…

- А что ты?

- Лишняя в такие сугубо семейные моменты, нет?

Не знаю каким образом, но мои слова долетают до Иласа, самого шебутного из всех Баграевых, который неожиданно оказывается рядом, обнимает нас обеих за плечи и чуть ли не на всю громкость своего зычного голоса заявляет:

- Марусь, я не понял, что за разговоры? В смысле “лишняя”?

Всё внимание снова переключается на меня и это, честно

говоря, последнее чего я хотела добиться, в связи с чем желание провалиться сквозь землю мгновенно переквалифицируется в жизненную цель, которую хочется добиться вот прямо сейчас и ни секундой позже.

- Чтобы я больше такого не слышал! - Илас недовольно цокает. - Иначе оставлю на пару часов с Давидом, чтобы он тебе мозги своими нотациями промыл, - кивает на своего близнеца, который в отличие от него всегда куда более сдержан и серьёзен. - А оно тебе надо? Очень сомневаюсь.

- Илас, - Сати, оторвавшись от своего старшего сына, одаривает младшего строгим взглядом. - Тише, прошу тебя. Давай не забывать о приличиях.

Сам же Тамерлан продолжает молчать и на слова брата с матерью не реагирует, только скользит чёрными глазами по мне, по руке Иласа на плечах и снова возвращается к моему лицу.

Благо, долго эта пытка не длится, потому что Сати, закончив с приветствиями и поучениями детей, приглашает всех к столу, за которым я оказываюсь между Аланой и Эльманом. Ребёнок, соскучившись по отцу, автоматной очередью, как и мне некоторое время назад, выдаёт все свои новости, делится о процессе тренировок и рассказывает о наших играх. Аслан выслушивает его от и до, с любовью гладит по голове, а когда словесный поток сына заканчивается и он увлекается ужином, благодарно мне кивает.

- Илас прав, Маруся, - мужчина слегка улыбается, из-за

чего сразу же становится на пару-тройку лет моложе. - Ты не лишняя, поэтому впредь не думай так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.